Украденная невеста

Автор:
Бренда Джойс

Украденная невеста

Бренда Джойс

Семейство де Уоренн #6

Из родового поместья Шона О’Нила звала и манила неизвестная жизнь. Напрасно Элеонора умоляла его остаться, убеждая, что его счастье – это дом, который он поднял из руин, и ее любовь. Шон был непреклонен, он жаждал приключений и опасностей. И они не замедлили явиться в его жизнь, как только он покинул родной порог. Долгие четыре года Элеонора ждала его и, отчаявшись, согласилась на брак с красивым, богатым и родовитым Питером Синклером. Она не знала, что Шон попал в тюрьму по оговору. Правда открылась ей, когда он неожиданно появился как раз накануне ее свадьбы…

Бренда Джойс

Украденная невеста

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Пролог

Аскитон, Ирландия, июнь 1814

Зов неизведанного преследовал его, доносился извне, звучал в душе постоянно и непреодолимо, вызывая беспокойство, давнюю тягу к приключениям. В последнее время призыв стал таким настойчивым, что он принял решение покинуть родной дом, не откладывая больше свой отъезд ни на один день.

Шон О’Нил остановился и посмотрел на дом, которым владела его семья на протяжении четырех веков. Собственными руками он помогал заново отстроить его стены, вместе с местными мастерами стеклил пустые проемы окон, где когда-то сверкали роскошные витражи. Ползая на коленях, осторожно вынимал треснутые плитки пола, подгоняя уцелевшие куски или заменяя их новыми. Вместе со слугами собирал фамильные реликвии, каждый сломанный меч, кинжал или чашу. К сожалению, огромный гобелен, украшавший парадный холл, сгорел и не подлежал восстановлению.

Вместе с арендаторами день за днем Шон вспахивал выжженную землю, почерневшие поля, и наконец земля ожила, задышала. Отбирал, закупал и перевозил скот взамен уничтоженного британцами поголовья в то роковое лето 1798 года.

Стоя рядом с оседланной, нагруженной дорожной поклажей лошадью, он смотрел на старинный дом, на луг, где на фоне занимающегося рассвета резвились ягнята.

Он помогал отстроить заново поместье, умываясь кровью, потом и иногда слезами. Он отстраивал Аскитон и за своего брата, который в это время в чине капитана королевского флота воевал с французами. Девлин вернулся домой несколько дней назад, с женой-американкой и их дочерью. Он ушел в отставку и теперь останется в Аскитоне.

Теперь, когда появился брат, Шон решил не откладывать больше отъезд. Его звала и манила неизвестная жизнь, полная приключений и опасности. Он и сам хорошенько не знал, чего именно хочет, но мир за пределами имения звал его так настойчиво, что он просто не мог оставаться на месте. Пусть теперь брат занимается семейными делами, он должен получить свою долю приключений и увидеть этот мир своими глазами. Неизвестность притягивала, манила, как пение сирен, зазывающих сбившихся с пути моряков. Ему было всего двадцать

четыре, и сейчас он улыбкой приветствовал восходящее солнце и любые приключения, которые Судьба приготовила для него.

– Шон! Подожди!

Он не поверил своим ушам, услышав голос Элеоноры де Уоррен. Впрочем, он должен был это предвидеть. Она всегда встает рано и, наверное, заметила, как он собирался в путь. Элеонора была его тенью с тех пор, с того самого дня, как его мать вышла за ее отца, графа де Уоррена, тогда Эль было два года, а ему – восемь. Как маленький щенок за своим новым хозяином, малышка ходила за ним по пятам, глядя с обожанием на старшего брата, и вначале его это забавляло, но потом стало раздражать. К тому времени, как он начал отстраивать дом и восстанавливать пахотную землю, она тоже подросла и всегда была рядом, с радостью выполняя все его поручения. Когда ей исполнилось шестнадцать, ее отослали в Англию, и она перестала быть для него только малышкой Эль. Он стоял, глядя, как она подбегает, недовольный, что не успел уехать.

Она всегда бегала как мальчишка, резкими длинными прыжками, и сейчас бежала так же, босиком и в одной ночной рубашке.

Но он больше не узнавал в ней угловатую долговязую девочку – от встречного ветра белый шелк плотно охватил ее тело, подчеркивая сформировавшуюся стройную фигуру взрослой девушки.

Зато ее глаза остались прежними – янтарного оттенка, миндалевидной формы; он всегда все мог прочесть в них, как в открытой книге, и теперь увидел в них испуг и обиду. И заулыбался, желая ее успокоить. С раннего детства он старался ее ободрить, прогнать прочь страхи, всегда присматривал за ней, чтобы никто не обидел. Она не отставала от него, буквально преследовала по пятам, куда бы он ни шел, кралась следом. Ей пытались запрещать, но она не слушалась, потому что была всегда упряма и любила добиваться своего.

– Мне надо уехать, Эль, – объяснил он спокойно. – Но я вернусь.

– Скажи, куда ты едешь?

Эль, девочка из его детства, тоже всегда могла прочесть его мысли. И хотя она выросла, видимо, ничего не изменилось, и он добавил, осторожно подбирая

слова:

– Эль, я должен ехать, узнать другую жизнь, я уже взрослый; и сейчас, когда вернулся Девлин, здесь меня ничто не держит больше.

– Зачем? – В глазах ее заплескался ужас. – Нет! Там ничего нет. А здесь есть я!

Их взгляды встретились. Ни для кого давно не было секретом, что она испытывает к нему совершенно безумную, доходившую до исступления привязанность. И что еще ребенком она решила, что любит его и выйдет за него замуж. Раньше Шона забавляла ее решимость. Он считал, что, когда она вырастет, ее увлечение пройдет. Они не были родственниками по крови, но он считал ее своей сестрой. Она – дочь графа и выйдет за титул, или богатство, или за то и другое вместе.

– Эль. – Он сделал вид, что не слышал ее признания. Не может быть, что она до сих пор верит в детскую любовь. – Аскитон теперь принадлежит Девлину. А я хочу посмотреть мир. Я должен и хочу уехать.

Она побледнела:

– Нет! Ты не можешь уехать. Какой мир, о чем ты? Твоя жизнь здесь. Здесь твоя семья и я! И Аскитон в равной степени твой, как и Девлина.

Девлин восемь лет назад выкупил Аскитон у графа. Шон подбирал слова, чтобы она поняла.

– Пойми, я должен уехать. А ты выросла, и я тебе больше не нужен. Скоро тебя отошлют обратно в Англию, и ты меня забудешь. У тебя там будет много поклонников. – И сам остался недоволен своими словами. – Иди обратно в постель, ты босиком и раздета. Утро холодное.

На ее лице появилось выражение упрямой решимости, и он насторожился. Ее трудно переубедить, все это знали.

– Я еду с тобой, – заявила она непреклонно.

– Это исключено!

– Ты не смеешь меня оставить. Я иду переодеваться. Оседлай лошадь для меня. – И повернулась, чтобы бежать к дому.

Он схватил ее за руку и так резко повернул к себе, что на мгновение она прижалась к нему; и он, почувствовав сквозь тонкую ткань ночной рубашки ее тело, резко отпрянул.

– Я знаю, что ты всегда добиваешься своего и заставляешь всех поступать по-своему. Включая меня. Но не на этот раз.

Шон сложил руки на груди, с трудом оторвав взгляд от выреза ночной рубашки, в котором выступали округлости девичьей груди. И снова посмотрел ей в глаза:

– Я уезжаю, ты остаешься.

– Но я не понимаю, – слезы покатились по ее щекам, – почему ты не берешь меня с собой?

– Ты вернешься в Англию.

– Но я ненавижу Англию.

Разумеется. Она выросла как дикий цветок, а не как тепличная роза. Росла среди пяти мальчишек, скакала на лошади с ними по холмам, а не танцевала в бальных залах Лондона. Время вдруг отступило, перед ним снова стояла восьмилетняя Эль, ранимая и страдающая, верная его подружка.

Он неожиданно обнял ее, как делал тысячу раз, когда она была ребенком:

– Все будет хорошо.

Но вместо костлявой девочки теперь к нему прижалась пышной грудью созревшая молодая девушка, и он резко отодвинулся, щеки его запылали.

– Ты вернешься? – прошептала она, цепляясь за него.

– Конечно. – Он осторожно попытался освободиться.

– Когда?

– Не знаю. Через год, два.

– Год, два? – Она снова заплакала. – Да как ты можешь так говорить? Оставить меня так надолго? Я уже скучаю по тебе, ты мой самый лучший друг. А я – твой. Ты будешь скучать по мне?

Шон взял ее руку, сдаваясь.

– Конечно, я буду по тебе скучать, – спокойно ответил он, и это было правдой.

Их глаза снова встретились.

– Обещай мне. Обещай, что ты вернешься ко мне.

– Я обещаю. – Он бережно освободился из ее цепких рук. – Надо ехать. – Он сунул ногу в стремя; одно мгновение – и он окажется в седле.

– Подожди!

Он обернулся, и в ту же секунду она крепко обняла его и прижалась губами к его губам.

Что происходит? Эль, его долговязая бесстрашная подружка, поцеловала его только что. Но теперь она была женщиной, с округлыми, волнующими взгляд формами, а ее поцелуй был горяч и влажен.

Он отпрянул от нее:

– Это еще что такое?

– Это был поцелуй, глупый! – крикнула она.

Он вытер рот тыльной стороной ладони, все еще ошеломленный.

– Тебе не понравилось? – Она не верила.

– Нет, не понравилось! – Рассердившись и на себя и на нее, он вскочил на лошадь.

Она беззвучно рыдала, закрыв лицо ладонями.

Он никогда не мог видеть ее слез.

– Не плачь, прошу тебя.

Она кивнула и постаралась перестать плакать.

– Обещай мне.

– Я обещаю.

С полными непролитых слез глазами она улыбнулась.

И он улыбнулся в ответ, чувствуя, что и у него близки слезы. Потом пришпорил лошадь и пустил ее сразу в галоп. Шон не собирался убегать как безумный из своего дома, но он больше не мог выносить отчаяния и слез Эль, вызванных его отъездом. Отскакав на порядочное расстояние, он обернулся.

Белая фигурка стояла у чугунных ворот. Элеонора смотрела на него, потом подняла руку, и в этом жесте он увидел отчаяние и страх, терзающие ее.

Шон поднял руку в ответ. Потрясенный расставанием, он подумал, что его отъезд – к лучшему. Она выросла, и ее привязанность становилась опасной. Он повернул с утрамбованной земляной дороги на восток, через холмы.

И на гребне первого холма Шон снова остановился. Последний раз. Сердце билось учащенно и тревожно. Сейчас поместье выглядело как игрушечное. И маленькая фигурка у ворот все еще была на месте.

И ему пришла вдруг в голову удивительная мысль: что, если он отправился искать то, что всегда было рядом?

Глава 1

7 октября 1818. Адер, Ирландия

Через три дня она выходит замуж за человека, которого все считают идеальной парой для нее. Три коротких дня – и она станет женой Питера Синклера. Элеонора де Уоррен нервничала и временами испытывала столь сильную тревогу, что не находила себе места. Ранним утром, когда все еще спали, безотчетный страх гнал ее из дому; и она мчалась верхом на своем гнедом жеребце, сидя по-мужски в седле, что считалось в обществе предосудительным для леди.

Пустив жеребца в галоп, она так низко пригнулась к его шее, что не видела ничего, кроме темной гривы. И все пришпоривала коня, подгоняя до тех пор, пока скорость стала опасной для нее. Она хотела заглушить этой бешеной скачкой все свои сомнения, прогнать тревогу и страх.

На короткое время ей это удалось. От скорости захватывало дух, все мысли и чувства уступили место ощущению полета. Земля под ногами лошади сливалась в бегущую ей навстречу разноцветную ленту. Все чувства исчезли, осталось лишь радостное возбуждение. Рассвет уже близился, небо бледнело, все предвещало скорый восход. Наконец Элеонора почувствовала утомление, и даже мощный гнедой жеребец стал уставать. Она натянула поводья, и он замедлил ход. И сразу вернулись мысли о предстоящей свадьбе. Она перевела гнедого жеребца на шаг. С высоты холма взглянула на свой дом. Адер – усадьба ее отца, его владения захватывали часть земель трех графств, включая сотни деревень, тысячи ферм, прибыльную угольную шахту и несколько каменных карьеров. Темный лес спускался к окружавшим огромный каменный дом сочным лужайкам

и пышным садам, их пересекала река. Дом возвели в елизаветинское время, но от первых построек мало что осталось. Заново его отстроили около ста лет назад. Фасад представлял собой длинное трехэтажное прямоугольное строение с дюжиной колонн, подпирающих крышу, и треугольным фронтоном сверху. За фасадом два коротких крыла – одно для семьи, другое для гостей.

Сейчас дом был полон людей, собралась почти вся семья, приехало множество гостей. Триста человек были приглашены на свадьбу, пятьдесят из них, со стороны жениха, были поселены в западном крыле. Остальные располагались в деревенских гостиницах и «Гранд-отеле» Лимерика.

Потная, запыхавшаяся, пряди белокурых волос выбились из косы, в мужских бриджах, которые она когда-то стащила у одного из братьев, Элеонора сидела в седле, глядя на поместье. Когда ей исполнилось шестнадцать, ее повезли в Лондон, где она провела два сезона, как все дебютантки. После ее выхода в свет она должна была бросить свои детские привычки, забыть о мужском седле и мужском костюме. Но Эль и не думала сдаваться, даже представить не могла, как можно садиться на лошадь боком, да еще напялив длинное платье! Выросшая среди пяти братьев, из которых трое были родными и двое – сводными, она ни в чем от них не отставала и, когда они устраивали соревнования, редко проигрывала им.

Чтобы не шокировать собравшееся общество, она отправлялась на верховую прогулку до рассвета, пока все спали и никто не мог ее увидеть. Как удивится ее жених, если узнает о необычных манерах своей невесты. Скорее всего, он будет недоволен, что она одевается и ездит на лошади как мужчина.

Ей не следует рисковать. Ведь она хочет выйти за Питера Синклера. Хочет ли?

Ей казалось, что время прошло и она все забыла, но сейчас сердце вновь заныло знакомой болью. Да, она сама решила выйти за Питера, но когда до свадьбы осталось всего три дня, она очутилась лицом к лицу с пугающей правдой. Она уже не была столь уверена. Сначала она должна узнать, что случилось с Шоном, жив ли он.

Спешившись, она взяла за повод гнедого и повела лошадь вниз с холма. Шон уехал четыре года назад. Она долго ждала, но наконец смирилась с его исчезновением. Три невыносимых года она не слушала доводов разума и вот

однажды утром проснулась и поняла ужасную правду. Он ушел навсегда. Он никогда не вернется. Все родные были правы, ни одной весточки за все это время могло означать только одно – его больше нет в живых.

Она заперлась в своей комнате и не выходила несколько дней, оплакивая потерю лучшего друга. Мальчика, юношу, с которым провела детские и юношеские годы, которого обожала. Мужчину, которого любила. На четвертый день Эль покинула свою комнату и направилась прямо к отцу.

– Я готова выйти замуж, папа. Хочу, чтобы ты сам подобрал мне жениха.

Граф, сидевший за завтраком в одиночестве, поднял голову, удивленно глядя на дочь. Он явно не ожидал такого заявления.

– Чтобы он был знатен, богат, недурной наружности. Обязательное условие – он должен быть хорошим наездником, любителем охоты. – И добавила мрачно: – Главное, он должен прекрасно ездить верхом, или я за него не выйду.

– Элеонора, – граф поднялся с места, – ты решила правильно.

– Я знаю. – И вышла, чтобы не слушать его вопросов о внезапной перемене решения. Она не станет это обсуждать даже с ним.

Через месяц после этого разговора состоялась первая встреча с женихом. Питер Синклер был наследником графства в Чаттоне, богат, знатен, ее возраста, светловолос, красив и обаятелен. Он прекрасно ездил верхом и занимался разведением скаковых лошадей. Ей не нравились его английские корни, она помнила, как два сезона светского дебюта в Лондоне подвергалась преследованиям и насмешкам молодых повес, считающих ее ирландской деревенщиной, но при встрече с ним она забыла о своих сомнениях. Он произвел на леди Уоррен прекрасное впечатление, в тот же вечер она дала согласие, и вскоре состоялась помолвка.

Внезапно Элеонору охватило чувство, что она несется на лошади и нет возможности остановиться, а единственным выходом будет просто соскочить на ходу, пока не поздно.

В своей жизни она ни разу не попадала в такое положение, за годы она отточила искусство управлять лошадьми и держать их под контролем. Эль напомнила себе, что все невесты перед свадьбой волнуются, тут нечему удивляться – обычное дело. И это объясняется осознанием того, что ее жизнь должна в корне измениться. Она выйдет за Питера и должна будет переехать жить в Чаттон, в Англию, вести дом, а затем воспитывать детей. Боже, неужели все это ей предстоит?

Если бы она знала, что произошло с Шоном.

Но судьба его была неизвестна, и вряд ли она когда-нибудь что-то узнает о нем. Ее отец и Девлин, брат Шона, провели несколько лет в бесплодных поисках, нанимали агентов с Боу-стрит. Находилось много людей с таким именем, но каждый раз след оказывался ложным. Шон О’Нил канул в неизвестность.

Она еще раз выругала себя за то, что позволила ему уехать. Надо было остановить его любой ценой.

Питер будет идеальным мужем, и она гордится им. Шон ушел навсегда из ее жизни, да и, говоря по правде, он никогда не смотрел на нее так, как смотрит Питер. Выбор отца превосходен. Ее жених добр, очарователен, красив. Тоже обожает лошадей. Как сказали бы английские дебютантки, она подцепила первоклассного жениха.

Нет, она лгала самой себе. Питер, конечно, замечательный молодой человек, но разве она может выйти за него, если есть хоть малейшая надежда на то, что Шон жив? Теперь поздно – согласие дано, и она не может нарушить слово.

Вновь ее охватила паника. Она уже была в Лондоне и потерпела там поражение. На каждом балу, при каждом выходе в свет, ей давали понять, что она ирландка, что она слишком высокая и предпочитает лошадей балам. Англичане унижали ее своей снисходительностью, она никогда не привыкнет жить в Чаттоне. Питер не интересовался ее привычками, а узнав их, скорее всего, тоже будет снисходителен. Конечно, разве она достойна быть женой англичанина? Разве леди пристало носиться по утрам верхом в мужском костюме? Да еще одной, без сопровождения. Некоторые леди принимали участие в охоте на лису, но не стреляли из карабинов и не брали препятствия. Они предпочитали проводить время в походах по магазинам и за сплетнями, а она это просто ненавидела.

И леди не лгут.

Ей вспомнился взгляд серых глаз, они обвиняли. Почему он покинул ее? И почему вновь заныло сердце, теперь накануне свадьбы, ведь она решила год назад, что Питер как нельзя более подходит ей.

И до сегодняшнего утра была уверена, что хочет выйти за него. И даже с удовольствием принимала участие в приготовлениях к свадьбе. Теперь ее отказ вызовет грандиозный скандал. Надо успокоиться, у нее просто разыгрались нервы, что свойственно невестам накануне свадьбы, и ничего больше. Питер хорошая партия, и он ей нравится.

Она остановилась и, закрыв глаза, представила себя в расшитом жемчугом подвенечном шелковом платье, отделанном кружевами, с длинным шлейфом. Питер стоит рядом, светловолосый, красивый. Вот он поднимает вуаль и целует ее. И вдруг очнулась, как будто пелена упала с глаз. Питер исчез. Рядом стоял высокий темноволосый мужчина с серебристо-серыми глазами.

Леди не лгут, Эль.

Она не могла больше выносить этой муки, чувствуя, что сейчас разрыдается.

Убирайся, оставь меня в покое!

Она знала Шона с раннего детства. Его мать овдовела, когда отца зверски убили англичане, и ее отец, тоже вдовец к тому времени, женился на Мэри О’Нил и принял ее детей. Хотя граф никогда официально их не усыновлял, он воспитал мальчиков как своих собственных сыновей и Элеонору, не делая между ними различий.

Даже совсем малышкой она уже считала Шона сказочным принцем, хотя он происходил из обедневшей нетитулованной ирландской католической семьи. Она ковыляла за ним всюду, и сначала он был добр, катал ее на спине и отводил за руку к няньке. Но когда она подросла, ее прилипчивость стала его раздражать. Она пряталась в классной комнате, наблюдала, как он учится, и всегда хотела ему помочь. Дело в том, что уже в шесть лет Элеонора делала поразительные успехи в математике. Он прогонял ее, говорил, что не нуждается в ее советах. Иногда, прогуливая уроки, он шел на пруд ловить рыбу. Она тут же

появлялась рядом. Он пытался пугать ее червяками, но она охотно нанизывала их ему на крючок.

– Ладно, Липучка, оставайся, – ворчал он, сдаваясь.

Каждый день братья устраивали скачки на лошадях по землям Адера. У Элеоноры был собственный толстый старый валлийский пони, и она трусила следом, не желая от них отставать. Иногда Шон снисходил, разрешал отослать пони домой и сажал ее себе за спину.

Ее любимым занятием было подглядывать за ним и таскать у него вещи. Иногда она пряталась в шкафу, подслушивала, как мальчики разговаривают о своем, хотя мало что понимала. Случалось, что она брала его любимую вещь – книгу или перочинный ножик, только затем, чтобы он бегал за ней по всему дому, требуя вернуть. Она смеялась, зная, что не даст себя поймать, потому что слишком быстро бегала.

Элеонора очнулась и поняла, что улыбается своим воспоминаниям, стоя недалеко от конюшен, а жеребец радостно щиплет траву на лужайке. Надо постараться выбросить из головы Шона, который не вернется. Надо наконец признать, что он никогда не проявлял к ней особой любви, даже братской.

Из дома вышел мужчина и двинулся ей навстречу. Она узнала своего старшего брата Тирелла. Он был целиком поглощен заботами о поместье, графстве, и, хотя они редко виделись, она всегда рассчитывала на его совет и доверяла ему полностью. Однажды он станет семейным патриархом и будет решать все проблемы семьи. Она любила его больше всех других братьев.

Он приблизился – высокий, сильный и темноволосый, с улыбкой глядя на сестру.

– Рад видеть, что у тебя все в порядке. Из окна заметил, что ты давно стоишь тут, и не мог понять, в чем дело.

Она с трудом выдавила ответную улыбку.

– Все хорошо. Я просто дала Аполло немного попастись.

Он испытующе заглянул ей в глаза:

– Ты всегда была ранней пташкой, но я не ожидал, что отправишься верхом сегодня, когда в доме полно гостей.

Она попыталась избежать его внимательного взгляда.

– Знаешь, сегодня мне хотелось, чтобы Аполло мчался как молния.

– Наверное, для этого есть причина. Так в чем дело? Что с тобой?

Она молчала. Вдруг появилось странное чувство, что Шон где-то рядом и сейчас наблюдает за ними. Она даже обернулась, но увидела проходившего мимо садовника с мальчиком-помощником.

Тирелл взял ее за руку.

– Большинство невест предпочитают утром хорошо высыпаться, дорогая, – сказал он мягко.

– Вряд ли длительный сон сделает меня меньше ростом. Настоящие красавицы не должны быть такими длинными, во всяком случае, не должны быть выше своих мужей и большинства мужчин.

– Так ты решила, что тебе нужен более высокий муж? Не кажется, что поздновато менять жениха?

Она сразу вспомнила, что ее голова едва достигала щеки Шона, и закусила губу.

– Не собираюсь. Я горжусь Питером. Меня не беспокоит то, что мы одного роста, только когда я босиком.

– Рад слышать. Потому что он без ума от тебя, – серьезно ответил Тирелл. – Прошлой ночью на балу он не мог глаз от тебя оторвать. Приглашал тебя три раза. Четвертый был бы неприличен. – Он рассмеялся.

Элеонора даже не улыбнулась.

– О, я ужасно танцую.

– Ты что, плачешь, Элеонора?

Она вдруг спохватилась. Нельзя проговориться брату, хотя она, как никогда, нуждалась в понимании и сочувствии.

– Тирелл, я не знаю, что делать, – вдруг прошептала она.

Он указал на каменную скамью, лицо его приняло озабоченное выражение. Они сели, и она продолжала:

– Мне нравится Питер. Проводить время с ним интересно и приятно. Ты знаешь, как я ненавижу балы, но с Питером стала к ним вполне терпима.

– Он очень хорошо к тебе относится, – серьезно сказал Тирелл, – вся семья с этим согласна. С ним ты постепенно становишься настоящей леди.

– Я стараюсь.

Леди не лгут, не воруют и не шпионят, Эль.

Она в панике вскочила:

– Тирелл! Мысли о Шоне преследуют меня! Пока я не узнаю, что с ним, не могу выйти замуж! Мы должны отменить свадьбу – мне безразлично, если я останусь вечной старой девой.

Пораженный, он широко раскрыл глаза:

– Элеонора, о чем ты?

– О, если бы я знала, где он и что с ним!

Тирелл молчал.

– Я знаю, вы уверены, что его нет в живых. Знаю, что так сказали в сыскной полиции. Но я не могу его забыть. – Наконец слова были произнесены. Сердце снова заныло, она никогда не сможет забыть Шона и безумно скучает по нему.

Тирелл обнял ее за плечи.

– Ты любила его всегда. Но он уехал, и его нет уже четыре года. И ты навсегда сохранишь о нем память в своем сердце. Но Питер – идеальный для тебя выбор, и он влюблен в тебя.

Она его не слушала.

– Но как я могу выйти за Питера, если все мои мысли заняты другим мужчиной?! Мне все время кажется, что Шон находится где-то рядом, он появится здесь, чтобы отговорить меня. Я должна буду жить в Чаттоне, если стану женой Питера, я буду матерью его детей, понимаешь? Но я ведь не люблю его! – И она умоляюще посмотрела на брата.

– Но если бы Шон был здесь, ничего не изменилось бы.

– Конечно! – И она вдруг покраснела. – Я понимаю, ты хочешь сказать, что он никогда не любил меня так, как любит Питер. Но почему я последнее время непрерывно о нем думаю, не нахожу покоя?

– Потому что все невесты перед свадьбой испытывают нервное напряжение, во всяком случае, так говорят.

Может быть, ты просто ищешь предлог, чтобы отложить свадьбу или сбежать?

– Может быть, ты и прав. Но что мне делать?

Он дотронулся до ее руки:

– Элеонора, ты ждала его почти четыре года. И хочешь ждать дальше?

Она именно этого и хотела.

– Он жив. Я знаю, чувствую это сердцем, Ти. Однажды он появится и расскажет, что его задержало так надолго.

– Надеюсь, ты права, – грустно отозвался брат. – Один мудрец сказал, что не мы выбираем любовь, она выбирает нас. Настоящая любовь никогда не умирает, Элеонора.

– Так скажи, что мне делать? – опять умоляюще спросила она.

Он подумал немного, прежде чем ответить.

– Честно говоря, я не удивлен, что накануне свадьбы тебя мучают мысли о нем, принимая во внимание прошлое. Но это не имеет отношения к твоему браку. Выходи за Питера.

– Ты что-то скрываешь? Что ты хочешь сказать?

Она нетерпеливо теребила его за рукав, видя, что он колеблется.

– Прошу, будь со мной откровенным.

– Конечно, мне хотелось бы, чтобы твой выбор был добровольным и ты сама решила, за кого тебе выходить. Но подумай, время идет, и надо, чтобы у тебя было будущее, семья, дети. И при чем тут Шон? Он никогда не испытывал к тебе глубоких чувств, неизвестно, где он и вернется ли вообще. А Питер Синклер предлагает тебе прекрасное будущее. И будет ошибкой отказать ему, больше может не представиться такая возможность. И дело не в твоем возрасте, просто такого, как Питер, ты не найдешь.

Не найдя поддержки, раздавленная его словами, она сидела, безвольно согнувшись, полная отчаяния и сомнений.

– Синклер – человек чести, настоящий джентльмен по рождению, воспитанию и своему характеру. А главное, он тебя любит. Предположим, ты порвешь с Питером, вернется Шон, но ты уверена, что он ответит на твое чувство?

Тирелл прав. Она просто сошла с ума. И она уже дала слово Питеру Синклеру.

– Разумеется, если ты совсем не любишь Синклера, не надо за него выходить. Но мне показалось, он тебе очень нравится и ты гордишься его предложением. Ты снова радуешься, Эль, даже улыбаешься, танцуя кадриль.

Она вздохнула и приняла решение.

– Да, мне просто повезло. Питер умен, красив, знатен, богат и любит меня. И надо быть просто круглой дурой, чтобы отменить свадьбу из-за мужчины, который меня никогда не любил, который неизвестно где, и все считают, что его нет в живых.

Тирелл улыбнулся:

– Ты никогда не была дурой. Но я счастлив, что ты решила выйти за Питера, и мы все будем рады за тебя.

Она постарается изгнать образ Шона из своей памяти. И хватит мучиться сомнениями.

– Я помню, как ты шокировал общество, выбрав Лиззи. Но ты женился по большой любви, а я собираюсь выйти замуж, просто сделав разумный выбор, и не уверена, что буду так же счастлива.

– Но ты не узнаешь, если даже не попытаешься. Я не стал бы тебя уговаривать, если бы не был уверен, что выбор правильный. Я хочу, чтобы ты была любима и счастлива. Мы все этого хотим.

Она обхватила его за шею:

– Ты мой самый любимый брат, говорила я тебе это?

Он засмеялся:

– Кажется, да. – Он наградил ее ласковым взглядом. – Но прошу тебя, Элеонора, не надо сильно меняться. А то станешь уж слишком правильной.

Она улыбнулась:

– Ты можешь не бояться. Разве мой сегодняшний костюм не доказывает, что я не собираюсь меняться? – Она показала на свои бриджи.

– Здесь я могу поспорить. Не могла бы ты пока не ездить по утрам, хотя бы до свадьбы и желательно во время медового месяца. А потом попросить Питера, чтобы он тебе это позволил. Ты сможешь его убедить.

– Я попытаюсь быть скромнее, Ти. Ты прав, сейчас не надо никаких скандалов. Я потихоньку пройду к себе, чтобы никто не заметил. Гости уже встали?

– Сегодня большая группа собирается на рыбалку, и сейчас они завтракают. Тебе лучше пройти через бальную залу. Все леди, за исключением моей жены, наверняка еще спят. – На его лице промелькнуло выражение нежности.

– Спасибо тебе, Ти. За твою мудрость. Я теперь чувствую себя гораздо увереннее.

Он поцеловал ее в щеку.

– Твоя любовь к Питеру будет расти со временем. И как только появятся дети, все сожаления исчезнут. Ты заслуживаешь счастья. И Синклер тебе его даст.

– Ты прав, впрочем, как всегда. – Она хитро улыбнулась. Никогда не помешает лишний раз польстить наследнику.

Он засмеялся:

– Моя жена не согласилась бы с твоим мнением. Не преувеличивай, моя дорогая.

– О, но ты самый умный из всех братьев! Ты не отведешь Аполло в конюшню? – Она выпалила все разом.

– Конечно.

Она быстро обняла его и зашагала к дому, огибая на пути западное крыло, чтобы попасть на террасу бальной залы.

Тирелл смотрел ей вслед. Улыбка исчезла с его лица. Ему повезло в жизни, ему не подбирали невесту, он женился по любви. Элеонора все еще любит Шона, и сильнее, чем когда бы то ни было. Конечно, он желал, чтобы она тоже вышла замуж по любви, но это невозможно. А Питер Синклер способен сделать ее жизнь счастливой. Потому что, если бы Шон вернулся, он бы ничего не смог ей предложить. Тирелл нахмурился. Он скрыл от сестры правду и от души надеялся, что поступил правильно и ей во благо.

Потому что прошлой ночью, после того как закончился ужин, капитан Броули, командир части, расположенной к югу от Лимерика, просил аудиенции у графа. И Тирелл присутствовал при их разговоре по праву наследника. Молодой капитан доложил, что местонахождение Шона О’Нила обнаружено.

И буквально сразил их известием, что Шон был заключен в военную тюрьму в Дублине и содержался там два года. Их ужас возрос, когда капитан сказал, что Шона обвиняют в государственной измене. Необъяснимо было, почему его два года держали в тюрьме и не казнили, за измену полагалась немедленная смерть. И почему им не сообщили об этом? И главная новость потрясла больше всего – три дня назад Шон взял в заложники начальника тюрьмы, а потом сбежал.

Теперь он беглый преступник, его разыскивают, за его голову назначена награда.

Поэтому Тирелл ожидал, что в любой момент Шон может объявиться в Адере.

Глава 2

Люди считают, что ад – это огонь, жаркое пламя, пожирающее грешников; они все ошибаются.

Ад – это тьма. Темнота, молчание и полное одиночество. Изоляция. Он это знал, потому что провел два года в этом кошмаре. И три дня назад бежал.

Дневной свет был для его глаз нестерпим, каждый звук заставлял вздрагивать. Его преследовали и хотели повесить. Поэтому он прятался в лесу днем, а ночью пробирался на юг. Он слышал раньше, что в Корке есть люди, которые помогут покинуть страну. Те, кого англичане называют радикалами и изменниками, которым нечего терять, кроме своей жизни.

Скоро рассвет. Три ночи пробирался он от окраин Дублина до Корка.

Сидя в темной норе, он однажды понял, что ему никогда отсюда не выйти живым, и начал планировать побег, а чтобы иметь для этого силы, принялся тренировать тело. Упражнения были просты – он нашел выступ в стене и использовал его, подтягиваясь или отжимаясь. Всякий раз до тех пор, пока не начинали ныть мускулы. Ноги, отвыкшие от ходьбы, требовали особых упражнений, но он вынужден был ограничиться приседаниями и не смог восстановить их до конца. Сейчас ноги платили ему за это дикой болью, особенно в ступнях.

Тренировать мозг было труднее. Он сконцентрировался на математических задачах, географии, философии и стихах. И быстро сообразил, что должен непрерывно занимать свою голову, чтобы не вспоминать, потому что память вела к прошлому, от этого охватывало отчаяние и, хуже того, мучил страх. Избегать воспоминаний любой ценой. Он держал в руке фонарь. Это было его главным сокровищем. Погруженный в полный мрак в течение двух лет, он теперь ценил выше всех благ источник света, равно как чистый воздух, которым дышал, и свободу. Он взглянул на небо, которое постепенно светлело. Пора гасить фонарь. Один заключенный из деревни Килвор рассказал ему, как добраться до нужной фермы, и теперь надо было спешить. Он погасил фонарь.

Утрамбованная земляная дорога вела в центр города. Где-то недалеко находилась ферма Конелли. Его уверяли, что там он найдет приют и отдых.

С сильно бьющимся сердцем он пробирался через лес параллельно дороге, больше не осмеливаясь идти по ней. За три дня после побега он не выходил на дороги, даже на тропы, шел лесом или крался среди холмов. Однажды чуть не наткнулся на солдат, но это было теперь в сотнях миль отсюда. Недалеко от

Дублина слышал топот кавалькады, выглядывая из-за камней на вершине холма, видел синие мундиры конного взвода. Последний раз перед тюрьмой он видел такой отряд и гибель двух дюжин мужчин, а с ними невинных женщин и детей. Страх погнал его в лес.

Теперь небо окрасилось бледно-розовым цветом. День обещал быть ясным, без дождя. В нем нарастало знакомое чувство тревоги и напряжения, хотелось спрятаться, зарыться в землю, но он должен победить страх, тем более что находился близко к цели. Постепенно Шон начинал привыкать к дневному свету. Звуки пробуждающегося леса заставляли его вздрагивать. Птицы уже начали весело распевать на ветках деревьев, и, как обычно, их пение вызвало у него слезы умиления. Песни птиц были так же драгоценны, как фонарь, который он нес.

Дорога сделала поворот, впереди показался дом с покатой соломенной крышей и оштукатуренными стенами. Перед домом у колодца рылись в грязи две свиньи, за домом виднелись небольшое поле кукурузы и сарай.

Он наблюдал, спрятавшись за деревом, глаза еще плохо видели. Наконец он уловил движение в кукурузе, затем показался человек. Шон надеялся, что это и есть Конелли. Он взглянул в оба конца дороги и, не доверяя зрению, прислушался. Лишь пение птиц нарушало тишину да ветерок шелестел в листьях. Он решился и вышел на дорогу. Пот катился теперь градом, ему казалось, что сейчас на него немедленно набросятся солдаты. Но никого не было на дороге, и он перевел дыхание.

Человек увидел его и застыл на месте.

Шон знал, что его вид может внушать отвращение и ужас, и все-таки, проклиная судьбу, шел прямо на человека. Он пытался обрести голос, что требовало неимоверных усилий. В тюрьме в общей драке ему полоснули по горлу ножом. Никто не послал к нему врача, он валялся в своей темной дыре и был на пороге смерти. Удивительно, но рана зажила, хотя он больше не мог говорить как раньше, каждое слово болезненно отзывалось в горле и требовало усилий. Ему пришлось молчать два года, и теперь он обнаружил, что не может говорить.

После нескольких попыток что-то произнести с неимоверным трудом он хрипло выдавил:

– Кон…елли? – и сам испугался звука своего голоса.

– Ты, должно быть, О’Нил. – Человек, большой мужчина с красным носом и голубыми глазами, поспешил навстречу и взял его за руку, чтобы поддержать.

От его прикосновения Шон испытал такой шок, что отдернул руку и отскочил в сторону.

– Но как… Как ты узнал…

– У нас существует тайная почта.

Конелли озабоченно посмотрел на Шона:

– Лучше тебе войти в дом.

И тогда несчастный беглец понял, что, опережая его, кто-то передавал весть о том, что он сбежал и направляется сюда. Шон вошел за здоровяком в дом и испытал облегчение, когда массивная дверь закрылась за ними, отделяя их от окружающего мира.

– Моя хозяйка уже возится в курятнике, – сообщил Конелли. – Теперь твое имя – Джон Коллинз. – Он с тревогой оглядел Шона. – Ты просто ходячий скелет, мой мальчик, я тебя накормлю и дам бритву. Будь прокляты эти британцы!

Шон кивнул и потрогал густую бороду, он не брился два года.

Помедлив, Конелли сказал:

– Сожалею о том, что случилось в Килворе с твоей женой и сыном.

Шон напрягся. Он старался забыть. Сейчас перед ним возник смутный образ – милое лицо с добрыми глазами. Память рисовала ее без красок, бесцветной, хотя он помнил, что у Пег были рыжие волосы.

Он слишком много страдал, постепенно чувства притупились, сейчас он испытывал только вину. Они погибли из-за него.

– Тебе надо покинуть страну. Ты знаешь это?

Шон кивнул, радуясь, что тема сменилась. Он научился избегать мыслей о своем коротком браке, но по ночам они все еще мучили его.

– Да.

– Хорошо. Ты пойдешь прямо по дороге и выйдешь на Блэрни-стрит. Увидишь мост, перейдешь на другой берег и найдешь причал Андерсона. Тебя приютит сапожник в гавани, его зовут Кобблер О’Делл.

Шон снова кивнул. Он хотел спросить, как он найдет судно и кто заплатит за перевоз, но вдруг напряжение спало, на него накатила усталость, и он ощутил дикий голод. За последние три дня он съел лишь один заплесневелый кусок хлеба. Говорить было неимоверно трудно.

– Когда… я покину… страну?

– Сядь, парень, – хмуро сказал Конелли. – Я пока не знаю. Каждый день, ровно в полдень, ты будешь ходить на Оливер-стрит. Там есть паб, прямо за углом. Ты будешь ждать в нем человека с белым цветком в петлице. Он все тебе расскажет. А я лишь фермер, Шон.

– Я должен… сегодня… он придет туда сегодня?

– Я понятия не имею, когда этот господин там появится, сегодня, завтра или послезавтра. Но он помогает патриотам. Его зовут Макбейн.

Шон кивнул. Макбейн.

Конелли поставил перед ним тарелку с отварным картофелем, большой кусок хлеба и сыр. Рот беглеца наполнился слюной.

Ужин в огромной столовой, стол накрыт белой льняной скатертью, хрустальные бокалы, китайский фарфор и позолоченный сервиз. Огромные люстры сверкали над головой, на столе высокие канделябры, лакеи в ливреях подают блюдо за блюдом. Женщины в шелковых платьях и драгоценностях, мужчины в вечерних костюмах, белых рубашках и галстуках. В воздухе разлит аромат духов.

Он вздрогнул, не веря в свои воспоминания, они не могли принадлежать ему.

Отрывая куски хлеба и сыра, он начал с жадностью есть. Ему не нужно прошлое, пусть будет только сегодня – Бойл и эта ферма.

Он остановился у приоткрытой двери паба, оглушенный доносившимся оттуда шумом; ему захотелось зажать уши, он с трудом выносил эту какофонию звуков, рвущихся из двери. Обрывки фраз, хохот, шум отодвигаемых стульев, звяканье посуды… Его просто парализовало от страха, он не сможет туда войти. От дневного света болели глаза. Он покинул ферму час назад, следуя инструкциям Конелли, легко нашел сапожника, тот провел его в маленькую комнату над своей мастерской. Шону стоило неимоверных усилий заставить себя продвигаться днем по шумному городу. Он давно не видел столько людей, они шли пешком, ехали верхом, по улицам катили повозки, даже попалась одна карета. По реке плыли суда. Шум городских улиц, суета, толкотня, запахи, – он почувствовал себя пришельцем, как фермер с северо-запада, который раньше никогда не был в городе.

Постепенно, за несколько часов пребывания в городе, он все-таки стал привыкать к шуму. Но при входе в бар испытал приступ паники, ему захотелось сбежать.

Убеждая себя, что переполненный, набитый людьми паб предпочтительнее каменного мешка в подвале, он стоял, набираясь храбрости.

Дверь распахнулась, из паба выскочил человек, он налетел на Шона, застывшего в нерешительности у входа.

Сработал инстинкт – незаметно для постороннего глаза из рукава мгновенно выскользнул нож, который был всегда с ним. Он уже готов был приставить его к груди незнакомца, но вовремя остановился и, тяжело дыша, прислонился к

стене. Надо помнить, что он человек, а не животное и не должен убивать, повинуясь инстинкту. Два года его содержали как животное в клетке, морили голодом, но он человек. Он прислонился горячим лбом к стене. А может быть, он уже не человек, а человеческое подобие, живущее только в темноте и способное убивать. Джон Коллинз.

– Эй, парень, извини, не заметил, – сказал пьяный и вмиг протрезвел, разглядев Шона.

Шон взял нож у тюремщика, когда захватил того в заложники. Опомнившись, он спрятал нож и попытался улыбнуться, мышцы лица свело судорогой, и жуткая гримаса исказила лицо.

Глаза у пьяного расширились от страха, и он бросился прочь.

Шон постоял, слыша шум крови в ушах. Он надеялся, что, когда окажется на корабле, в море, ему станет легче.

Он вошел, избегая смотреть на людей и касаться их, прошел к столику в глубине паба и сел спиной к стене, так он чувствовал себя в большей безопасности. Теперь вся комната была перед его глазами.

В пабе находилось тридцать или сорок мужчин, они смеялись, разговаривали, кричали, некоторые играли в кости или в карты. Все они были ирландцами, как и он, и однажды он поклялся, что отдаст жизнь, защищая их от тирании и несправедливости, и это едва не произошло на самом деле. Но сейчас не чувствовал с ними родства, он был чужаком, пожалуй, он вообще ничего не чувствовал.

К нему приближался человек в синем костюме, с белым цветком на лацкане. Шон незаметно, осторожно вынул нож и приготовился.

– Коллинз? – спросил джентльмен, останавливаясь рядом.

Шон кивнул и указал жестом на стул напротив.

Человек сел.

– Мне показывали ваш портрет на листке розыска. К несчастью, вы выглядите точь-в-точь как изображенный там сбежавший преступник.

Шон не обратил внимания на замечание. Человек был высокого роста, с каштановыми волосами, в дорогом костюме и в начищенных сапогах. Он явно был не из простого сословия. Рори Макбейн.

Он с трудом выговорил:

– Вы один?

– Слежки не было. Я был осторожен. А вы? – Он наклонился, чтобы получше слышать его хриплый полушепот.

Шон покачал головой. Макбейн продолжал его изучать, как будто пытаясь понять, кто перед ним. Наверное, знал, что его разыскивают за убийство, и опасался.

– Все, что вам понадобится на первое время, в этой сумке. – Макбейн ногой подвинул к нему набитую сумку. – Немного денег, одежда. Американское судно «Герой», рейс до Хэмптона, Вирджиния, отплывает послезавтра с первым приливом.

Скоро он будет на свободе. Через несколько дней переплывет океан подальше отсюда, от Британии, от Ирландии, от земли, где родился и где провел детство и юность. Он знал, что надо поблагодарить Макбейна, но сердце защемило тоской. Он не понимал, почему новость не принесла ожидаемой радости. Ведь через несколько дней он не будет преследуемым зверем. Может смотреть, как встает солнце, не прикрывая глаза ладонью, и никогда больше не станет прятаться в тени. Не будет каменного мешка и решеток.

Ему больше не придется спать на голом камне с крысами, есть пойло с картофельными очистками и хлеб, кишащий личинками. Он уедет в Америку и там обретет покой, независимость, а может быть, счастье. Там его не отыщут.

Но эта мысль не приносила ни облегчения, ни радости.

Тонко звенит хрусталь, пахнет духами, и глаза, янтарные, смеющиеся и блестящие, встречаются с его глазами.

Он почувствовал дурноту, как во время приступа морской болезни. Память предает его. Он, наверное, сошел с ума. Он не хотел возвращаться в прошлое, подавлял воспоминания, паника охватила его.

– Вам нужна хорошая бритва. – Голос Макбейна прервал его лихорадочные мысли, и он был рад вернуться в реальность. – Я видел ваш портрет, развешанный всюду, вы очень похожи на человека, который разыскивается. Надо избавиться от бороды.

Он пытался сделать это той бритвой, которую дал Конелли, но она была слишком тупой. Макбейн прав, ему нужна настоящая бритва, кисть и мыльная пена. И опять всплыли воспоминания.

Серые глаза смотрят на него из зеркала. Красивый темноволосый мужчина в нем, он занят утренним бритьем. В комнате на окнах раздвинуты бархатные портьеры, за окном голубое небо, ярко-зеленые лужайки. Вдали руины башни и море.

– Шон! Ты собираешься ехать к Скале?

– Что с вами? – спросил Макбейн.

Почему он спрашивает? Нельзя думать о далеком прошлом. Он женился на Пег Бойл, надеясь впоследствии полюбить ее, и решил стать отцом ее маленькому ребенку и тому, что еще не родился. И единственная женщина, которую он должен был помнить, была она. Он не мог забыть, как держал ее на руках, истекающую кровью, зверски избитую.

– Послушайте, Коллинз. Я понимаю, что вы прошли через ад. Но мы сражаемся на одной стороне. Я такой же ирландец, как и вы. Ходят слухи, что вы благородного происхождения, это нас роднит с вами. Вы плохо выглядите. Могу я как-то помочь?

Он с трудом выговорил:

– Почему… вы делаете это? – Он должен знать, почему джентльмен рискует из-за него жизнью.

Макбейн удивился:

– Но я уже говорил. Мы земляки, и я тоже патриот. Вы сражаетесь за свободу, я тоже, правда, по-другому, с помощью пера, и иногда помогаю таким, как вы.

Шон хотел улыбнуться, но получился оскал, и Макбейн содрогнулся:

– Вам нужно что-нибудь?

Нет. Он покачал головой. Все, что ему надо, – поскорей покинуть страну и начать другую жизнь. И тогда память перестанет мучить его воспоминаниями о жизни, которую лучше забыть.

Макбейн наклонился к нему через стол:

– Затаитесь пока до отплытия. Я сегодня уезжаю из Корка и буду в Адере. Отсюда всего полдня езды верхом, и наши общие друзья помогут переслать весточку.

Сердце Шона сделало скачок, хотя внешне он не показал удивления. Его как будто ударили под дых. Он ослышался или Макбейн назвал Адер?

Макбейн поднялся:

– Да поможет нам Бог.

Шон не отвечал.

У Макбейна в глазах промелькнуло сочувствие, и он поднялся и стал пробиваться сквозь толпу к выходу. Он не оглянулся. Почему он назвал Адер. Это ловушка? Он ни за что больше не попадет в тюрьму и не даст себя повесить.

Он выждал, когда Макбейн выйдет, и устремился следом, прихватив мешок с одеждой. Он пошел следом, крался вдоль стен длинной, грязной, узкой улицы, постепенно настигая жертву, и наконец схватил сзади и прижал лицом к стене, заломив Макбейну руку за спину. Тот не сопротивлялся.

– Ты не можешь ехать в Адер… Это ловушка…

– Коллинз! – выдохнул тот. – Вы сошли с ума? Какого дьявола…

– Что ты собираешься делать?

– Я пытаюсь помочь тебе покинуть страну, ты, идиот. Нельзя, чтобы нас видели вместе! Мои антибританские взгляды хорошо известны. В городе полно солдат.

Но Шон сильнее заломил ему руку и удерживал.

– Ты не можешь ехать в Адер! При чем тут Адер? – Он произнес без остановки, и это потребовало неимоверного усилия. – Какой-то хитрый трюк.

– Какой трюк? Ты провел в одиночке два года и сошел с ума! Я еду в Адер, как друг семьи и невесты.

Адер был его домом. Зеленые лужайки и живописные сады были так красивы, что многие британцы летом приезжали специально и просили разрешения хозяев взглянуть на имение. Иногда им разрешалось осмотреть господский дом, если граф с женой были в своей резиденции.

Его трясло. Нет, это Шон О’Нил вырос там. А теперь он Джон Коллинз.

– Вы побледнели как бумага, – сказал Макбейн. – Так я могу идти?

Но Шон уже не слышал его.

По утрам уроки по точным и гуманитарным наукам, потом уроки фехтования, уроки танцев и этикета. После обеда верховая езда. Их было пятеро, все молоды, хороши собой, сильные, умные, знатные и немного надменные. И там была Эль.

– Коллинз!

Он снова очутился в Корке и осознал, что все еще прижимает Макбейна к стене. Он позволил себе впустить воспоминания о том прошлом, которое больше ему не принадлежало. Он отпустил Макбейна и облизал пересохшие губы. Пора возвращаться в дом сапожника.

– Там… будет свадьба?

– Да, очень важное событие.

Шон закрыл глаза. Он не должен был думать о тепле, семье и безопасности. Слишком поздно.

У него был родной брат, жена брата и племянница, мать, отчим и трое сводных братьев и еще Эль. Стоит приоткрыть ворота для прошлого, как воспоминания хлынут, и их не остановить. Тогда невозможно будет покинуть свою страну. Его поймают и повесят. Но родные лица, слегка размытые, уже вставали в воображении. Брат – капитан королевского флота, отчим – влиятельный граф, элегантная мать, три сводных брата и девочка с двумя косами, худенькая, длинноногая.

Он отступил от Макбейна, по его лицу заструился пот. Макбейн обиженно одернул на себе сюртук и снова озабоченно взглянул на Шона:

– Как вы себя чувствуете?

Макбейн упомянул о невесте.

– Кто… выходит замуж?

Макбейн снова удивился.

– Элеонора де Уоррен. Вы знаете семью?

Эль стояла на пороге его комнаты в Аскитоне, волосы забраны в одну косу, одетая в одну из его рубашек и бриджи Клиффа.

– Что ты так долго возишься? – нетерпеливо спросила она. – Мы едем на пикник. Ты обещал, что мы поедем на утес Долана. Все готово, и собаки ждут.

Он пытался вспомнить, сколько ей лет. Это было перед ее первым сезоном в Лондоне. Тринадцать, четырнадцать. И она была высокой и худенькой.

– Леди не врываются в комнату джентльмена, Эль.

Он стоял с голой грудью перед зеркалом и теперь потянулся за рубашкой.

– Но ты ведь не джентльмен, верно? – Она ухмыльнулась.

Он спокойно застегивал пуговицы на рубашке.

– Нет, это ты – не леди.

– И слава богу!

Он пытался сдержать смех.

– Не упоминай имя Господа всуе.

– Почему? Ты поступаешь хуже – бранишься, когда сердишься. Мужчинам разрешено говорить бранные слова, а леди должны лишь вилять бедрами при ходьбе и носить дурацкий корсет.

Он оглядел ее худую фигурку.

– Ты никогда не станешь носить корсет.

– И очень хорошо! – Но по ее лицу было заметно, что она расстроилась. Она прошла в комнату и села на его неубранную постель. – Я стараюсь больше есть. Съедаю по два десерта, но толку мало. Я расту и расту вверх и скоро буду как башня.

Теперь он не сдержал смеха.

Она рассердилась и бросила в него подушку.

– Эль, есть вещи похуже. Ты однажды поправишься, вот увидишь. – Хотя он не мог ее представить в другом виде.

Она слезла с кровати.

– Ты говоришь, чтобы меня утешить. Говорил еще два года назад, что я перестану расти.

– Я хочу, чтобы ты успокоилась. Давай с тобой договоримся: если обгонишь меня сегодня и первой прискачешь к скале Рока, останешься здесь еще на день.

Глаза у нее загорелись.

– Правда?

– Конечно, а тот, кто будет последним, сегодня поедет домой.

Она с криком выскочила за дверь и понеслась по ступенькам вниз. И когда он, смеясь, садился на коня, она уже скакала далеко впереди.

Весь дрожа, он отвернулся от Макбейна. Надо скорее уезжать. Сколько ей сейчас? В последний раз он видел ее, когда ей было восемнадцать. И возникло видение – маленькая фигурка у ворот дома, в белом, и он знал, что она плачет.

Обещай, что вернешься ко мне.

Он горел теперь как в лихорадке и с трудом дышал.

– За кого она выходит. Она влюблена?

– Да что с вами? Вы ее знаете?

Наконец Шон опомнился. Но он должен знать.

– За кого она выходит?

– Сын графа – Питер Синклер, – удивленно ответил он.

Он не мог поверить – она выходит за англичанина!

– Проклятый брит!

– Но он знатен, богат и, говорят, красив, и они прекрасная пара. Моя жена говорила, что Синклер влюблен по уши и она тоже счастлива. Послушайте, Коллинз, я вижу, вы расстроены. Но еще больше расстроитесь, если патруль найдет вас здесь, на улице. И вам надо затаиться в своем укрытии до рейса.

Он прав. Шон стряхнул наваждение. Он через день отплывает в Америку. Речь идет о жизни и смерти. За кого выходит Элеонора – не его дело. Когда-то он готов был ради нее пожертвовать жизнью. Но сейчас он стал другим человеком, и жизнь у него другая. Шон О’Нил мертв после того, что случилось в Килворе. Теперь он Коллинз, убийца, и за его голову назначена награда.

Он не может вернуться, потому что не существует больше Шона О’Нила.

А Джон Коллинз больше похож на животное, чем на человеческое существо.

– Вы правы.

– С божьей помощью, Коллинз. С божьей помощью.

Глава 3

– Перед тем как джентльмены покинут столовую, чтобы выпить бренди у камина, я хочу произнести тост, – произнес граф Адера.

Все стихло. За длинным столом сидели пятьдесят приглашенных и вся семья де Уоррен, за исключением Клиффа, который опаздывал. Стол, покрытый белой льняной скатертью, был парадно сервирован – лучшим фарфором и хрусталем. Центр стола флорист, проявив незаурядный талант, украсил цветами из садов имения. Граф сидел во главе стола, на другом конце, напротив, – графиня. Элеонора видела, что отец улыбается.

Граф, седовласый красивый человек, лет сорока с небольшим, с величественными манерами хозяина графства и главы семьи. Голубые глаза графа приветливо оглядели гостей и остановились на дочери.

Она отвела взгляд. Он был так доволен ее решением выйти за Питера, она не имела права показывать ему, что волнение и нервозность не покидают ее, и напрасно она убеждала себя, что это свойственно всем невестам. Ее разговор с братом лишь временно успокоил бурю в ее душе. Питер сидел рядом. Он был внимателен, ухаживал за ней весь вечер и был очень красив в вечернем костюме. Вначале она с трудом могла улыбаться и делать вид, что все в порядке. Элеонора раньше не придавала значения вкусу вина и его действию, но сегодня вдруг выпила целых два бокала, и удивительно, но они принесли долгожданное умиротворение.

Теперь она с удовольствием смеялась шуткам Питера, раньше и не представляя, какой он забавный. И кажется, только сейчас увидела, как он красив.

Помешанные на женихах, дебютантки в Лондоне с ума бы сошли от счастья, будь они на ее месте. И почему она не пригласила их на свадьбу, чтобы посмотреть, как они позеленеют от зависти. Обе вышли замуж, и она слышала, что у них толстые мужья.

Если бы это не привлекло общего внимания, она потребовала бы еще один бокал вина, хотя ужин был уже закончен.

Питер наклонился над ее ухом:

– Что с тобой?

Она ему улыбнулась:

– Вечер просто изумительный.

Он удивленно приподнял брови:

– Каждый вечер хорош, когда я с тобой.

Она почувствовала, что тает. Неужели она сомневалась на его счет?

– Ты романтичен, Питер.

– Я всегда становлюсь романтиком рядом с тобой.

Она кокетливо посмотрела на него из-под ресниц.

И почему она так расстраивалась? Все так чудесно.

Справа от нее сидел лорд Гендредон, отец Питера.

Графиня напомнила графу:

– Дорогой, мы ждем.

Граф откашлялся и перевел взгляд с лица дочери на гостей.

– Не могу выразить, как я счастлив, что моя красавица дочь наконец решила сделать выбор. И особенно счастлив, что ее избранник – Питер Синклер. Она ждала достойного мужчину, прежде чем изменить жизнь. За жениха и невесту! Пусть их жизнь будет счастливой, пусть в ней будут мир, радость и веселье! – И он высоко поднял бокал.

Она смотрела на отца улыбаясь, не пытаясь слушать, о чем он говорит. И на Питера, взирающего на нее, как на богиню, спустившуюся с Олимпа. Кажется, ее подводит зрение, лица немного расплываются. Может быть, Тирелл прав и она полюбит Питера, а может быть, уже любит. Разве она не согласилась выйти за него?

Папа сказал что-то о перемене в жизни. Она нахмурилась. Как может сердце измениться? Она нашла своего мужчину, хотя у него и не серые глаза.

Она смутилась. У Питера глаза голубые. Ей надо еще выпить. Если она пока не влюблена окончательно, еще один бокал вина сделает свое дело.

– Я хочу поблагодарить леди и лорда Гендредон за помощь в организации столь грандиозного свадебного мероприятия. И всех гостей, которые прибыли на торжество. Особо мистера и миссис Макбейн, лорда и леди Бартон… и, наконец, молодого Синклера. Питер, благодарю, что сделал мою дочь счастливой. – И граф сел, улыбаясь и с гордостью глядя на дочь.

– Я хочу добавить, – встал Тирелл. – Обращаюсь к мужчине, который осмелился взять в жены мою сестру. Сделай ее счастливой, иначе придется иметь дело со всеми пятью братьями.

Питер галантно ответил:

– Я обещаю, что Элеонора будет счастлива, я все для этого сделаю. Но прошу прощения, у Элеоноры четыре брата, разве не так?

Элеонора перестала улыбаться. У нее три брата родных и два сводных. Все это знали. Разве Питер не знал? Но Шон пропал. Это у него были серые глаза.

– Я что-то не так сказал? – удивился Питер. – Правда, Клифф еще не прибыл, но с ним будет четверо.

Она опустила глаза вниз на скатерть. Вино вдруг перестало действовать. Где теперь Шон? Почему его нет с ними? Он не хочет возвращаться?

Вино проделало с ней злую шутку. Раз нет Шона, почему она выходит замуж? Она вновь почувствовала панику.

– Прости, Элеонора, – пробормотал Тирелл.

Она смотрела на брата совершенно протрезвев, как будто ее только что окунули в ледяную воду. Она выходит за Питера, а не за Шона. Она уже полюбила

Питера, почти полюбила, и ей необходимо срочно выпить бокал вина, пока вечер окончательно не испорчен.

Встал Девлин О’Нил, бывший прославленный капитан морского флота, с навсегда выгоревшими на солнце прядями волос.

– Я уверен, ты слышал сплетни, Питер. Мой младший брат исчез четыре года назад. И с тех пор о нем никто ничего не знает.

Синклер был еще больше удивлен:

– Но я ничего не слышал. Простите меня, сэр капитан.

Элеонора печально смотрела на пустой бокал. Лучше бы она никогда не знала Шона, который теперь испортил самый счастливый день в ее жизни. Она ведь была счастливой только что. И ей нравилось, как смотрит на нее Питер, как он ей улыбается. Всего лишь несколько минут назад она была весела и всем довольна. Неужели она всегда будет скучать и грустить о нем, даже если выходит за такого замечательного, необыкновенного человека, хотя он и англичанин.

Нет, скучаю по Шону, и у него серые глаза, но какое отношение это имеет к моему браку?

– Питер, – улыбнулась она жениху, – мне необходим еще бокал вина. Очень, – добавила она, чтобы он не успел возразить.

– За Синклера, – предложил тост Рекс де Уоррен. В войне Рекс потерял правую ногу и теперь вынужден был передвигаться, опираясь на костыль. – За идеального мужа для моей сестры. Элеонора, ты самая счастливая невеста на свете.

Она посмотрела, не шутит ли он. Он так переменился после того, как вернулся с войны, и теперь она иногда не понимала, когда он шутит, а когда говорит серьезно.

– Я – самая счастливая женщина во всей Ирландии. – Она как будто всех пыталась в этом убедить.

Гости с любопытством на нее посмотрели.

О, какой стыд! Неужели у нее заплетается язык и она шепелявит?

Темные брови Рекса поднялись скептически.

– Правда?

Она встретила его пронзительный взгляд, и ей показалось, что он читает ее мысли. Ах, если бы ей принесли еще бокал вина, и тогда ей удалось бы обмануть присутствующих, чтобы они не заметили ее смятения.

Леди не обманывают, Эль.

Она подскочила и обернулась. Ей показалось, что за спиной стоит Шон. Никого.

– Элеонора? Что случилось? – участливо спросил Питер.

– Он здесь? – прошептала она, вцепившись в спинку стула пальцами так, что они побелели, и продолжая сидеть боком к столу.

Граф решительно поднялся с места:

– Думаю, пора отправляться к нашему бренди, джентльмены. Элеонора?

Она опомнилась и поняла, что сидит почти спиной, и даже не заметила, что все мужчины встали и в ее сторону обращены удивленные взгляды.

Питер остался сидеть рядом. Рекс, постукивая костылем, направился к ним. Огромный, черноволосый, очень крепкий физически, он был копией Тирелла, только глаза у него были темные, а у брата – голубые.

– Прости меня, Элеонора, я не хотел портить тебе настроение в такой день.

Она перестала его понимать, с тех пор как он вернулся с войны, раздавленный своим увечьем. Вот и сейчас не знала, что он имел в виду.

– О, Рекс, – она ласково заулыбалась, – ты ведь мой любимый брат и просто не можешь поступить неправильно. Ты ведь знаешь это?

Он взглянул на Питера:

– Извини нас, – взял ее за руку и отвел в сторону. – Да ты напилась! – тихо сказал он.

– И правда, – она лучезарно улыбалась, – теперь я начинаю понимать, почему тебе нравится пить. Принеси мне тихонько вина, красного, пожалуйста.

– Не принесу. – Он был и в ужасе, и в восхищении. Трудно было удержаться от смеха, глядя на нее. – Ты что, намерена устроить саботаж, отменив свое венчание?

Элеонора задумалась над словом саботаж.

– Хм-м-м. Саботаж – это в политике. Он здесь ни при чем.

– Иди к себе в комнату, – посоветовал он, но не мог сдержать улыбки.

– Нет. Пока меня не поцелуют, и как следует! – Она оставила его и направилась к своему жениху.

Леди уже собрались в соседнем салоне. Питер одиноко стоял у опустевшего стола.

– Все в порядке? – спросил он.

Она удивилась:

– Конечно, – и взяла его под руку. – И я снова с тобой.

Он покраснел.

– Элеонора, ты никогда не пила. Я приглашу одну из твоих сестер, чтобы тебя проводили в твою комнату.

– Это на редкость плохая идея! – Она прижалась к нему. – Мы за весь день не были ни одной минуты наедине, – произнесла она тихо, – не хочешь вместе со мной взглянуть на звезды? – Интересно, отважится ли она попросить поцеловать ее.

Он снова покраснел.

– Я и сам собирался предложить. Ты меня опередила.

– О, это я умею. Я быстро бегаю, езжу верхом и стреляю лучше, чем многие мужчины.

Он широко раскрыл глаза от изумления.

– Ууупс… – Кажется, она проговорилась.

Леди не скачут на лошади по-мужски и не стреляют. Они не ругаются и не лгут.

– Леди не лгут, – добавила она.

– Что, прости?

Разговаривать дальше было опасно, и она потащила его к открытым дверям террасы. Питер покорился.

Шон осторожно поднялся вверх по ступеням террасы. Там было темно и пусто. Он мог видеть уже с лестницы, что в доме полно гостей, и, осторожно подобравшись к огромному окну, заглянул в столовую.

Во главе стола стоял мужчина, человек, который взял его в семью после гибели отца, воспитал, кормил, одевал, учил и любил его, как своего родного сына. У Шона ослабли колени, и ему пришлось опереться на стену руками. И вдруг увидел брата. Девлин сидел рядом с женой. Для Девлина он отстроил заново Аскитон и, не задумываясь, сделал бы это снова, как и отдал бы жизнь за своего старшего брата.

Он проглотил комок в горле. Прекрасная Вирджиния, жена Девлина, выглядела счастливой, и он был рад за них. Она спасла его брата когда-то, и он был вечно ей благодарен за это.

Его сводные братья тоже встали, он видел, что атмосфера царит веселая и непринужденная.

Невозможно было не вспомнить, как он провел здесь столько лет со всеми своими родными. Воспоминания накатывали, как волны Ирландского моря: о рождественском утре, о темных зимних вечерах перед камином, приятели отца за бренди. Он с трудом отключил мозг от воспоминаний.

Зачем это? Все равно ему предстоит покинуть страну, чтобы избежать преследования. Через несколько минут он уведет из стойла свежего коня и вернется в Корк. Он должен быть там до рассвета и успеть на корабль.

Он должен так поступить и не мог сдвинуться с места.

Он пришел потому, что Эль выходит замуж.

Он прислонил лицо к холодному стеклу, глядя, как Тирелл хлопнул шутливо по плечу Девлина, и они, смеясь, покидают столовую вслед за остальными мужчинами. Как трудно и невозможно заглушить тоску и желание вновь очутиться в родной семье. Нет, нельзя забывать, что его ищут и назначена награда за его голову, к тому же он не хочет вместе с собой утащить в пропасть отца и братьев.

Теперь женщины встали, он увидел, как Тирелл обнимает за плечи леди с роскошными тициановскими волосами. Мать с улыбкой приглашала всех в соседний салон. Графиня выглядела, как всегда, элегантно, но выглядела старше. Он не обманывал себя – его исчезновение должно было ее расстроить.

Одна из женщин отошла в сторону с Рексом. Сердце его на миг остановилось, потом сильно забилось от волнения. Это была Эль.

Он был поражен. Она изменилась, но он узнал бы ее где угодно. Эль. Ничего не осталось от угловатого длинного подростка. Но если вспомнить тот последний день, когда он покидал дом четыре года назад и она выбежала к нему, уговаривая остаться, уже тогда это была девушка, похожая на готовый распуститься бутон. Он не забыл, как она высока, ее лицо чуть-чуть изменилось – несколько угловатые черты округлились, теперь овал лица стал совершенным. Как и ее фигура. Она стала прекрасной женщиной, способной соблазнить любого, и вызывала восхищение.

Он видел, как она старается уговорить в чем-то брата, очаровать его, и испытывал панику. Он ожидал вернуться к тоненькой молодой девушке, которую никто еще не целовал, видя в ней только друга и сестру. Он почти мог расслышать, что она, смеясь, говорит Рексу.

Я уже говорила тебе, что ты мой самый любимый брат?

Слова, которые она говорила им, всем своим братьям… Кроме него.

Он смотрел на нее и видел женщину, способную поразить воображение и заставить волноваться и, хотя это было немыслимо, невозможно, пробуждавшую в нем желание. Он не мог желать девушку, которую всю свою жизнь считал сестрой. Но тело с ним было не согласно, и, вероятно, сказались два года вынужденного воздержания.

Она уже отошла от Рекса и приблизилась к красивому молодому человеку со светлыми волосами, взяла его под руку. Он понял, что это жених – Синклер. Он был не только красив, но и обладал манерами и внешностью прирожденного аристократа. Шон возненавидел его с первого взгляда.

Теперь его трясло от ярости – на нее, на Синклера, на себя. Конечно, она повзрослела, но почему кто-то вдруг имеет на нее право? И куда это они направились вдвоем? Столовая опустела.

И в тот же момент услышал, как открылась дверь на террасу. Он услышал ее смех, такой знакомый и в то же время чужой и новый. Она смеялась, как смеются женщины, которые хотят обольстить. Он прижался к стене и, стоя в полной темноте, наблюдал, как они подошли к балюстраде. Они были так поглощены друг другом, что вряд ли могли заметить его, слившегося с темной стеной. Походка ее тоже изменилась, хотя она по-прежнему делала большие шаги, но теперь грациозно покачивала бедрами. Она шла как женщина, которой любуются, на которую все смотрят.

– Я уже говорил тебе, что ты необыкновенно хороша сегодня. – И Синклер взял ее руки в свои.

Шону захотелось его задушить.

– Не думаю. Но если и говорил, можешь повторить.

Она флиртует? Эль и флирт?

– Как ты прекрасна, – невнятно произнес Синклер, и Шону был ненавистен его изменившийся голос, отражавший долго сдерживаемую страсть. Они не должны оставаться одни ночью на темной террасе. Какого дьявола? Где все? У нее три брата, которые должны охранять ее. И где они все?

– А вы, сэр, слишком галантны и способны очаровать леди, – кокетничала она, – и мне просто удивительно повезло, что я выхожу за вас.

– Когда ты рядом, невозможно сдерживаться. – Он перешел на шепот.

Знал ли этот англичанин, что девушка, которую он выбрал, настоящий сорванец? Или она теперь уже не позволяет себе скакать галопом, драться на кулаках и ругаться? Уже не охотится и не ловит рыбу? И теперь успешно осваивает флирт?

– Мне приятны твои слова, хотя у тебя и голубые глаза.

Он не понял, о чем она говорит, и, кажется, Синклер тоже. Наступило молчание.

Ему хотелось ударить кулаком по стене, потому что в это время Синклер, кажется, вознамерился ее поцеловать.

– Можно я поцелую тебя, Элеонора?

– Я думала, ты никогда не спросишь, – засмеялась она.

И, не веря своим глазам, Шон смотрел, как Синклер обнял ее и медленно склонился к ее лицу. И в этот момент луна вышла из-за единственного облачка на небе и залила ярким светом двоих влюбленных. Он целовал ее, и она отвечала пылко и страстно!

Шон прислонился к стене, охваченный бешенством, тяжело дыша, и боялся взглянуть на них снова. Неужели это Эль сейчас в объятиях Синклера и сама охотно отвечает на его поцелуй, он даже слышал стоны влюбленных. Он понимал, что она превратилась в желанную, соблазнительную женщину, он сам уже почувствовал ее власть над собой, но он не имеет права вожделеть ее, потому что они выросли вместе.

– Меня поцеловали, Шон!

Он вспомнил, как много лет назад, когда ей было одиннадцать, а ему семнадцать, они стояли в конюшне Адера и она сообщила вдруг об этом с загадочной улыбкой.

Он уже несколько недель преследовал дочку арендатора, блондинку с пышной грудью и приятными ямочками на щеках. И вот он очутился с ней на соломе, в полумраке конюшни, и его руки уже проникли под юбку, а она не сопротивлялась, он был близок к тому, чтобы овладеть ею, и слышал ее нетерпеливое хихиканье.

И вдруг почувствовал, что Эль снова подглядывает. Он вне себя от ярости вскочил, натянув штаны, и, подняв голову, увидел, что она, хитро улыбаясь, наблюдает за ним сверху. И, понимая, что она все видела, он вспыхнул, и им овладела ярость. Она быстро скатилась вниз и бросилась наутек. Бросившись следом, он вдруг увидел, что она остановилась и смотрит на него вызывающе. Он тоже остановился с угрожающим видом.

– Попалась!

Она высунула в ответ язык.

– Я надеру тебе уши и расскажу папе, чем ты занимаешься.

Она переступила на месте.

– Тебе меня не догнать.

Она действительно бегала быстрее всех.

– Я не хочу, чтобы за мной шпионили.

– Ты любишь ее?

– Нет! – И сразу пожалел о вырвавшихся словах, потому что это было не ее дело. – Послушай, Эль, подойди ко мне. – Он сделал к ней шаг.

Она отступила тоже на шаг, качая головой. Потом лукаво улыбнулась:

– Меня тоже поцеловали.

– Надеюсь, ты врешь.

– Нет. Джек О’Коннор, на прошлой неделе, около часовни.

Он застыл от неожиданного признания и вдруг бросился обратно, призывая грума оседлать лошадь.

– Я убью Джека О’Коннора! – И он не шутил – ведь она еще ребенок.

Она схватила его за руку:

– Подожди! Это моя вина.

Он угрюмо смотрел на нее.

– Целовал или нет?

Она закусила губу.

– Это я его поцеловала. Вот так. – И вдруг обхватила его за шею руками, намереваясь поцеловать в губы.

Он стряхнул ее с себя.

– Ты сама бросилась ему на шею!

– Ну и что? Ты целуешь девушек! И даже леди! Ты повеса. Так говорит папа.

Действительно, братья не пропускали ни одной юбки, в них играла молодая кровь.

– Ты не должна шпионить за мной! Я уже не мальчик, Эль. Ты не должна видеть такие вещи.

– Ты имеешь в виду то, как лезешь к ней под юбку и трогаешь ее там? – И она изобразила страстные стоны:

– О-о-о-о-о!

С него хватит. Он хотел схватить ее, но она вывернулась и умчалась, он погнался за ней, полный решимости наказать. Она стала бегать вокруг дерева, ловко избегая его рук, но вдруг устала и захныкала.

– Ладно, сдаюсь. – Он пошел прочь.

Она успокоилась и вышла из-за дерева, а он резко повернулся и схватил ее.

Встряхнув ее хорошенько несколько раз, предупредил:

– В следующий раз поймаю, положу тебя на колено и отшлепаю, как пятилетнюю.

– Перестань, ладно, больше не буду, клянусь!

– Леди не должны клясться, хотя ты сорванец, а не леди. – И, взяв ее за ухо, повел обратно к конюшне.

– Прости, я больше не стану клясться! Только не надо говорить папе! – Из глаз Эль хлынули слезы.

Он остановился. Несмотря на ее ужасное поведение, ему стало жаль ее.

– Ты поцеловала Джека?

Она, поколебавшись, ответила:

– Да, но только в щеку, а не в губы.

– Я так и думал. – Он вздохнул с облегчением. – Леди не лгут, Эль, и не целуют мальчиков, и не клянутся.

– Ненавижу быть леди!

И он не мог сдержать улыбки, а она улыбнулась в ответ.

– Элеонора, я тебя так люблю!

Шон вернулся в реальность. Он не хотел видеть, как Эль занимается любовью с мужчиной. Синклер взял в ладони ее лицо, и она – проклятье! – улыбалась, глядя на него.

Синклер весь дрожал от нетерпеливой страсти.

– Я стараюсь изо всех сил остаться джентльменом, – прошептал жених, – но ты меня искушаешь.

– Я тоже испытываю искушение. Никто не узнает, остался ты джентльменом сегодня ночью или нет.

Шон уже выступил вперед, чтобы прервать это бесстыдство, но опомнился. Неужели она явно намекает, что жених может себе позволить больше свободы действий? Она была дерзкой и своевольной девчонкой, а теперь стала такой же пылкой и неуправляемой женщиной. Она уже допускала к себе… жениха? Зная ее, он не сомневался, что она не дорожит своей невинностью и, скорее всего, ее понравятся постельные игры.

И снова они целуются.

Он ударил кулаком о стену. Где, черт побери, ее братья?! Он не хочет быть свидетелем того, как она отдается жениху.

Эль отпрянула от Синклера.

– Что это было? – Она огляделась.

Теперь Шон вжался в стену, стараясь стать незаметным.

– Что было? – Синклер явно обезумел от страсти и ничего не слышал.

– Ты не слышал? – Она казалась напуганной. – За нами следят?

– Дорогая, кто может за нами следить?

– Рекс, это ты? – позвала она сердито.

– О боже! Твои братья вечно охраняют тебя, конечно, это похвально, но каждый из них уже намекнул, что я должен остаться джентльменом до брачной ночи. Нам надо вернуться.

– О, да не обращай на них внимания! Они привыкли мной командовать. Я с ними разберусь. Не бойся! Мне так нравятся твои поцелуи, Питер.

Шону захотелось схватить ее за ухо, как будто ей все еще было одиннадцать, и потрясти хорошенько.

Вдруг двери на террасу распахнулись, послышался стук костыля о плитку, и Шон узнал Рекса. Пораженный, он понял, что Рекс калека, у него нет правой ноги. Впрочем, откуда ему было знать. Ведь он так давно не был дома. Рекс, стуча костылем, добрался до парочки.

– Вам не кажется, что пора прервать любовное свидание наедине, вы еще не женаты, – предупредил он серьезно.

Шон видел перед собой другого Рекса. И теперь ему стало жаль его больше, чем самого себя.

– Мне двадцать два, – заявила Эль. Ни одна женщина не стала бы объявлять, сколько ей лет. – И мне не нужны няньки.

– О, я с тобой не согласен, так что идем! – И предложил ей руку, что выглядело как приказ.

Она обиделась:

– О, ты, конечно, старший здесь, сэр Рекс.

Значит, Рекс получил рыцарство. Конечно, он заслужил титул на полях сражений, и Шон гордился им.

– Дождитесь свадьбы. – Рекс жестом пригласил влюбленных в дом.

Эль ничего не оставалось, как принять его руку, за ними последовал раздосадованный Синклер. Этому не справиться с Эль никогда. Тем не менее через две ночи Эль станет его женой, и он будет иметь все права супруга.

Вдруг Рекс остановился.

Шон затаил дыхание. Неужели брат почувствовал его присутствие? Рекс двинулся снова, но перед тем, как войти в дом, обернулся и оглядел террасу, взгляд его скользнул по тому месту у стены, где укрывался Шон.

Ему на мгновение показалось, что они встретились глазами. Но он ошибся, потому что Рекс отвернулся, и вскоре все трое скрылись за дверью. Шон остался стоять, переживая с горечью заново все, что увидел и услышал.

Глава 4

Рассвело. Элеонора спала сегодня не более двух часов, она снова думала о Шоне. И незаметно уснула, а во сне видела, что он вернулся домой, но очень изменился, в нем было что-то пугающее и темное. Она проснулась внезапно в испуге и с облегчением поняла, что это сон. А потом испытала разочарование. Шон так и не вернулся.

Утром она, как всегда, отправилась на прогулку верхом и чуть не загнала своего гнедого. Пригнувшись к гриве, как жокей на скачках Ньюмаркета, она мчалась по лесной дороге, как вдруг на повороте возник человек. Натянув изо всех сил поводья, Элеонора остановила гнедого. Человек стоял как вкопанный. Она чуть не сбила его с ног, но, к счастью, все обошлось.

– Глупец! – Она подняла кнут, чтобы хлестнуть его. – Ты ищешь смерти?

Она хотела объехать этого бродягу, но он вдруг схватил коня за поводья. Сначала ее охватила ярость, потом на смену пришел страх. Ни разу на землях отца никто не осмеливался ей угрожать, и она взглянула пристальнее на незнакомца. Сердце ее вдруг сделало скачок и бешено забилось.

Перед ней стоял Шон. Он вернулся.

Она сразу поняла, что с ним случилось что-то ужасное. Он был худ и истощен, весь в шрамах. Но это был Шон.

Она с радостным криком буквально слетела с лошади, чуть не сбила его с ног, бросившись на шею, и расплакалась. Она так долго скучала и тосковала по нему. Он не двигался с места, не обнимал ее, только из груди его вырывался странный звук, низкий и хриплый, похожий на рычание.

Этот звук вырвал ее из состояния восторга и взволнованной радости. Она еще прижималась к его исхудавшему, но мускулистому телу, боялась отпустить, как будто он мог снова исчезнуть, голова ее доходила ему до подбородка, и она спрятала свое лицо на его груди. Он всегда был строен, но теперь стал просто худым. В его рычании она услышала боль и ярость. Что с ним? Он не рад?

Но он вернулся домой. Вернулся к ней. Она испытывала такую всеобъемлющую радость, была так счастлива. Отступили в прошлое тоска и вечное беспокойство за него. Она любила его всегда и никогда не переставала любить. Эль подняла лицо вверх, счастливая улыбка осветила ее лицо.

Но он даже не улыбнулся в ответ. Лицо его осталось неподвижным, взгляд суровым. Потом мягко, но решительно он отстранил ее от себя.

Он сердится? Она была поражена до глубины души. Как он может сердиться на нее? И снова потянулась его обнять.

– Я знала, что ты вернешься.

Он ловко уклонился:

– Не надо, Эль.

– Что – не надо, Шон? Ты дома!

Он не ответил, и вдруг под его пристальным, жестким взглядом ей стало неловко. Она все пыталась найти в серых глазах искру узнавания, прежнюю доброту и улыбку, но глаза его были пусты и холодны. Потом он отвел взгляд. Она была поражена до глубины души, она ничего не понимала. Раньше у них никогда не было секретов друг от друга, а взгляд прежнего Шона был открытым, прямым, и она могла прочесть все его мысли. Его прекрасные серые глаза искрились смехом, но могли потемнеть от гнева и неодобрения. Как часто

они обменивались мимолетными, понимающими взглядами.

Его лицо тоже изменилось. Оно исхудало, вытянулось, она заметила шрамы на щеке и на шее и содрогнулась – кто-то порезал его ножом.

– О, Шон! – Она протянула руку, чтобы погладить серповидный шрам на его лице, но он уклонился.

Она замерла. Выражение у него было настороженным и чужим, первой ее мыслью было, что с ним произошло нечто ужасное. Но теперь все будет хорошо, все прошло, она с ним и поможет ему забыть все плохое, что с ним произошло.

– Что с тобой, Шон?

– Ты обручена.

Голос его был глухим и хриплым, он скорее громко шептал, чем говорил. Но продолжал смотреть на нее очень пристально, прямо в глаза, не отрываясь. Она смутилась. Вдруг его взгляд опустился на ее губы, скользнул ниже, на шею, потом остановился на груди. Она была сейчас в одной из его старых рубашек. Широкий кожаный пояс обхватывал талию, бриджи подчеркивали стройные бедра. Она вдруг почувствовала себя раздетой под этим взглядом, хотя носила мужской костюм много лет и Шон часто ее видел в таком костюме.

Ее тело отреагировало на этот мужской взгляд.

Она ощутила непреодолимое желание прижаться к нему, почувствовать его близко, ощутить ответное волнение. Именно его она любила всегда, ждала и давно поняла, что еще в детстве ее чувства переросли дружбу, она была одновременно обеспокоена и обрадована тем, что ее любовь к нему не ослабела, напротив, стала еще сильнее. Ей казалось, что она желала близости с мужчиной и прежде. Ей нравились поцелуи Питера; и до того, как Шон покинул Аскитон, часто, глядя на него, она хотела очутиться в его объятиях, почувствовать вкус его поцелуев. Но тогда она была юна и просто играла, когда воображала себя женщиной. Сейчас же в ней поднималось неведомое раньше чувство, оно требовало выхода, она задыхалась от желания принадлежать именно ему. Ей показалось, что он тоже с трудом подавляет волнение, его тело сотрясала видимая дрожь. Но если она поведет себя безрассудно, бросаясь ему на шею и

признаваясь в любви, это может отпугнуть его. Ей надо быть осторожнее, если она хочет добиться Шона. В одну минуту все изменилось, даже взять его за руку казалось сейчас невозможным.

– Но что с тобой случилось? Где ты был все это время? – наконец выговорила она.

Он снова пристально заглянул в ее глаза, прежде чем отвел взгляд в сторону.

– Я слышал, ты выходишь замуж. – Ему тяжело было говорить, он как будто с трудом выдавливал слова. Серые глаза испытующе смотрели на нее, как будто он хотел спросить ее о чем-то еще.

Она закусила губу, не понимая его. Разве она не фантазировала недавно, что он приедет в последний момент и спасет ее от этого брака. Но сейчас ей не хотелось обсуждать свое обручение с Питером.

Она не знала, что ответить. И вдруг робко улыбнулась:

– Это было ошибкой. Я не выйду за Питера.

Ей показалось, что в его глазах промелькнула радость. Она должна до него дотронуться, побороть страх перед незнакомым Шоном, не похожим на прежнего, и решительно взяла его руку и погладила ее.

– Как давно тебя не было. Все решили, что ты погиб, даже я поверила. Но ты обещал мне вернуться, и ты вернулся.

Он смотрел в сторону.

– Я сожалею. Никому не хотел причинить боль.

Он говорил и вел себя странно. Между ними возникло напряжение, которого не должно было быть. Ведь они всегда были друзьями.

– Что с тобой случилось? С твоим голосом? Почему ты такой худой? Шон… как ты изменился…

– Я не мог ничего сообщить о себе. – И глаза его снова потемнели и стали угрюмыми. – Я был… в тюрьме.

– В тюрьме? – Она задохнулась от волнения. – Поэтому у тебя эти шрамы? О боже, неудивительно, что ты такой худой. Но почему тебя посадили в тюрьму? Ты всегда был самым честным и порядочным человеком, уж я-то знаю.

Теперь все объяснилось: длительное отсутствие и причина, по которой не было вестей. Он опустил глаза.

– Я бы так и умер там, если бы… – и снова взглянул на нее, – если бы не сбежал.

Потрясенная этим признанием, она, помолчав, только спросила:

– Тебя разыскивают?

– Да.

Ужас от услышанного охватил ее. Нет, он не вернется в тюрьму. Она поможет ему укрыться.

– Ты должен спрятаться. Тебя не выследили, они не знают, что ты здесь?

– Нет.

Она облегченно вздохнула.

– В конюшне! Ты можешь там спрятаться.

Он не ответил.

Она не могла понять его замешательства.

– Прости, я так волнуюсь. Ты согласен?

– Я не… останусь.

Она, наверное, ослышалась. Он вернулся, он больше не оставит ее. Она так растерялась, что долго молчала. Потом робко спросила:

– Почему?

* * *

Он взглянул на ветки над головой, на высокое небо.

– Я покидаю страну.

– Но ты только что вернулся! – Она с отчаянием схватила его за руку. Кожа была огрубевшей, но рука такой знакомой.

Он выдернул руку и покачал головой.

Она наконец сообразила, что он не хочет ее прикосновений. Когда они росли вместе, она ребенком часто увязывалась за ним, и, когда уставала, он, сжалившись, нес ее на спине. Или катал на лошади, посадив сзади. Она была так счастлива, сидя позади своего любимого брата, обхватив крепко его руками за талию. И, став старше, часто брала его за руку, а он ее обнимал за плечи.

– Ты изменилась, – услышала она натужный шепот.

Разумеется, она изменилась. И хотя в его шепоте нельзя было расслышать никаких эмоций, она смутилась. Вернулось сразу желание его обнять и сказать, что теперь все будет хорошо. Она была предана ему и душой и телом.

– Я выросла. Ты тоже изменился, – наконец смогла она ответить, поборов волнение.

И снова молчание. Она начала понимать его поведение и скованность. Неужели он тоже испытывает похожее чувство к ней, то же желание, непреодолимое, нахлынувшее на нее внезапно. Ведь этот пристальный взгляд выдает его, он сердится, и ему неловко, и… Что, если он ревнует? Он никогда раньше не смотрел на нее так, никогда не возникало подобного напряжения, все между

ними было легко и просто. Их привязанность друг к другу была естественна и никогда никого не смущала. Что происходит, почему они оба так напряжены и теряют дар речи?

Она, вздрогнув, спросила:

– Сколько времени ты провел в тюрьме? Что ты сделал?

Глаза его вновь приобрели непроницаемое выражение.

– Два года.

Она ахнула.

– Там была деревня, которой больше нет.

Она помнила историю своей страны и народа. Страна подвергалась грабежам, царило бесправие, насилие и убийства. В одном из самых кровопролитных кровавых мятежей погиб отец Шона. В Ирландии часто случались протесты и восстания, и тогда приходили войска британцев. И, защищая свою страну, гибли люди, результатом подавления бунтов были разрушенные города и деревни. И Шон участвовал в борьбе.

Она помнила, как он отстроил разрушенный Аскитон заново, как защищал права ирландцев, крестьян и фермеров, живущих на их земле. Она понимала, на чьей стороне он сражался.

– Были убиты английские солдаты? У вас было оружие?

В Лимерике нельзя было носить оружие, властями это расценивалось как попытка мятежа и измена.

– Да. Нашим оружием были ножи и вилы.

У Элеоноры подкосились ноги. Она не знала, где произошел этот мятеж, но это не имело значения. Если в том диком сражении были убиты британские солдаты, Шон в смертельной опасности. Он изменник. Теперь она понимала, что ему

грозит.

Прошлой зимой британцы повесили многих и еще больше изгнали, обвинили в бунте.

– Отец больше не в магистрате, он ушел, – сказала она. – Его обвинили в уклонении от долга, потому что он осмелился защищать своих людей. Капитан Броули, который командует гарнизоном в Лимерике, является и главой магистрата. – Она поняла, что плачет, и вытерла лицо. Теперь не время плакать.

– Мне очень жаль, – угрюмо пробормотал он.

– Они с Девлином оба лжесвидетельствовали, чтобы спасти обвиняемых. Отец отошел отдел, потому что больше не мог защищать своих людей.

Она перевела дух и хотела подойти к нему, но он снова отшатнулся. Теперь его решимость держать дистанцию пугала ее. Почему он так враждебен и так странно себя ведет?

– Шон, мне все равно, что ты сделал, ничего не изменилось между нами, ты остаешься моим лучшим другом, я все для тебя сделаю. Все! – горячо сказала она. – Почему ты не позволяешь мне обнять тебя?

– Все изменилось.

Ей хотелось заглянуть в глубину его глаз, увидеть, что творится в его душе, понять его, как когда-то понимала. Почему он сердится на нее?

– Да, ты попал в ужасную ситуацию, ты много пережил, но знай, мои чувства не изменились. Моя верность осталась. Я спрячу тебя, а потом мы пойдем к отцу, и он поможет разобраться в твоем деле, все решится, и ты будешь свободен.

– Ты не пойдешь к графу! – хрипло воскликнул он. – Ты что… хочешь, чтобы его обвинили в укрывательстве преступника? Ты понимаешь, что у него отберут, как у изменника, и титул и землю? – Он был так взволнован, что крик прорвался, но был так же ужасен, как и шепот.

– Тебя обвинили в измене?

Он кивнул, сверкнув глазами.

– Но изменников они вешают сразу!

Расправа в то время была мгновенной.

Он махнул рукой:

– Побег. – Он тяжело дышал. – А теперь я собираюсь бежать в Америку.

Америка. Так далеко. Шон прав – отец не должен стать укрывателем преступника. Страницы истории Ирландии полны такими случаями отъема земель и титулов. Но он не может, не должен уехать от нее навсегда.

– Тебе не обязательно уезжать в Америку. – Она услышала в своем голосе отчаяние. – Нам поможет Девлин.

Он дернулся, и в какой-то миг ей показалось, что он бросится на нее. Но он остановился.

– Нам? При чем тут ты?.. И мне он тоже не поможет.

– Но Девлин захочет помочь. Он один из самых влиятельных людей в Ирландии, и у него связи с правительством. У него много приятелей в адмиралтействе…

– Нет! – Он вдруг очутился одним прыжком рядом, все тело сотряслось дрожью; в страшном волнении, охватившем его, он не мог подавить эту дрожь. – Почему ты… никак не поймешь? Тот человек, который четыре года назад ушел из дома… Он не вернулся! – Шон впал в бешенство, глаза засверкали, лицо раскраснелось.

Она струсила, но была втайне рада, что он наконец проявил живые человеческие чувства.

– Неправда, он вернулся! И стоит передо мной.

– Он умер! – крикнул он в отчаянии. – Шон О’Нил – мертв.

Ее ужаснули эти слова, как и его желание заставить ее в это поверить.

– Я теперь – Джон Коллинз, беглый преступник. И я не потащу Девлина за собой в ад!

Она была напугана, но не его криками, а тем, что с ним сделали, в кого он превратился.

– Если бы Шон был мертв, я бы это знала! – И вдруг кулаком ударила ему в грудь.

От неожиданности он дернулся, но она снова ударила, рука у нее была не легкой.

– Замолчи! Если бы Шон был мертв, он не стал бы защищать своего брата так яростно. Не знаю, кто такой Джон Коллинз, и не желаю знать.

И она горько заплакала.

Он отступил и, кажется, попытался обрести хладнокровие. В нем, казалось, шла внутренняя борьба, и Эль притихла. Потом погладила его по щеке, чувствуя, как он постепенно успокаивается. Он был плохо выбрит, но это не имело значения. Она любила его так сильно, как никогда, хотя это казалось невозможным. И прикосновение вновь пробудило ее нерастраченную нежность и потребность в ласке. Если бы он позволил ей обнять его и обнял ее в ответ!

– Не плачь.

Она не замечала, что слезы струятся по ее щекам.

– Как я могу не плакать, когда ты числишься в беглых преступниках? Должен снова покинуть дом? И когда я хочу обнять тебя, прикоснуться к тебе, ты не даешь сделать этого. Ты никогда больше не вернешься?! Посмотри, на кого ты похож. – И она снова заплакала.

– Не надо, Эль.

Слезы сразу перестали литься. Как давно он не называл ее этим привычным когда-то, уменьшительным именем, которое сам придумал. И ей захотелось невозможного – увидеть вновь его улыбку, с которой он когда-то смотрел, когда не сердился на нее. Она не шевелилась и все еще держала у его щеки руку; и в его пустых глазах вдруг зажегся огонек, или это сверкнула слеза?

– Граф не поможет. И Девлин тоже. Они не смогут. Ты должна это понять. – Теперь он говорил спокойно.

– Нет! Я все понимаю. И Девлин может тебе помочь. Он никогда не станет уклоняться от помощи брату, он не трус. Он так скучает по тебе. Почти как я.

– Я убил английского солдата, – оборвал он ее, – был суд, меня признали изменником, никто не может мне помочь. Я покидаю страну завтра.

Если бы он ударил ее со всей силы, она меньше была бы ошеломлена. Он уезжает завтра? Она пошатнулась, и он протянул руку, чтобы поддержать ее.

Его сильная, большая, так хорошо знакомая рука накрыла ее руку, как бывало много раз. Но теперь прикосновение вызвало другое чувство, пронизавшее все ее существо, это было прикосновение мужчины, для которого она готова на все. Она хотела стать его женщиной. Выбора нет – она последует за ним.

– Сядь, тебе, кажется, плохо, ты упадешь.

Он прекрасно знал, что она никогда в жизни не падала в обморок. И не обратила внимания на его слова.

– Когда отплывает твой корабль?

Он опустил черные густые ресницы, спрятав глаза, и, отпустив ее руку, повернулся к ней спиной.

– Когда? – требовательно снова спросила она и встала так, чтобы видеть его лицо.

– Завтра ночью. – Наконец он посмотрел на нее прямо, и она увидела в его глазах жалость.

Он ей лгал. Но нет, не может быть, ведь он никогда в жизни не лгал ей. Ему надо спрятаться до отъезда. Потом она поедет с ним.

– Я еду с тобой.

Он взглянул удивленно.

– Но ты выходишь замуж.

– Я еду с тобой, и ты меня не остановишь! – сказала она с тихой яростью. Он уже однажды покинул ее, и больше она не позволит ему этого.

Они долго смотрели в глаза друг другу.

Наконец он твердо сказал:

– Нет, ты выходишь замуж. Твоя свадьба завтра.

И впервые после появления Шона она подумала о Питере. Как она собирается поступить с Питером? Теперь она не может выйти за него.

– О чем ты думаешь?

– Ты все еще можешь угадывать, о чем я думаю?

– Возможно, – поколебавшись, согласился он.

Она искала его взгляд, но он упорно не желал смотреть на нее.

– Тогда ты должен знать, что я не выйду за Питера.

– Но прошлым вечером ты была от него в восторге.

Ее удивил тон, которым это было сказано, она почти не расслышала его хриплый шепот.

– О чем ты? – И вдруг густо покраснела. – Ты был там прошлой ночью? Был? – Она вдруг вспомнила в деталях вечер, флирт с Питером… Значит, он за ней следил. Может быть, видел, как ужасно она вела себя за столом, когда выпила лишнего, как стыдно было ей перед семьей Питера и всеми гостями, они могли заметить, что ее язык заплетается от выпитого вина.

И вдруг услышала:

– Почему тебя оставили с ним наедине?

Значит, он был на террасе и видел, как она целует Питера.

– Что ты видел?

Она вела себя неприлично, была просто бесстыдной.

– Все. – И нетерпеливо стал расхаживать взад-вперед.

Она села на камень. Должна она объясняться? Но что сказать?

– Мне нравится Питер, я горжусь им…

– Мне все равно, – оборвал он, и она увидела с удивлением, что он тоже покраснел.

– Он мой жених.

– Так ты станешь англичанкой? – иронически спросил он.

Она покачала головой.

– Мы будем жить в Йоркшире, я имею в виду, что мы собирались жить в Чаттоне, но…

– Как ты изменилась! – вдруг воскликнул он. Вернее, пытался, но голос еще не слушался. – Помню, как ты ненавидела свои лондонские сезоны. Та Эль никогда бы не покинула Ирландию! – Он замолчал то ли потому, что с непривычки говорил так много и устал, то ли потому, что сказал все, что хотел.

– Я не хочу покидать Адер! – крикнула она.

– Тогда не покидай его! – Он закашлялся. Его раздражало, что он не владеет своим голосом. – Он знает, что ты стреляешь, как мужчина, и попадаешь в рог оленя в лесу?

– Шон, перестань, тебе больно говорить.

Но он потряс яростно головой.

– Он видел тебя в мужской одежде? В мужских бриджах? В сапогах?

– Шон, перестань!

– Он не захочет такую Эль.

– Зачем ты говоришь мне это? – умоляющим тоном произнесла она.

– Он хочет ту женщину, которую видел вчера… кокетку!

Она пыталась объясниться:

– Но я изменилась. Я взрослая женщина, и ты не имел права подглядывать, как я целую Питера. Да, ты прав, он пока плохо меня знает. Но как ты мог исчезнуть на четыре года? А вернувшись, еще и осуждаешь меня, шпионишь за мной. Ты хочешь опять сбежать без меня?

– Да, хочу!

Она вдруг замахнулась, чтобы ударить его, но он перехватил ее руку.

Она понимала, что ему тяжело, но он был так жесток с ней. И не прав в отношении Питера. Она хотела сказать об этом, но не находила слов.

И вдруг заметила лихорадочный блеск в его глазах. Она была просто слепа. Вся эта ярость, недовольство… Он ревнует, вот в чем дело. Он все не отпускал ее руку и вдруг притянул к себе так, что теперь их бедра соприкасались. Сердце отчаянно забилось, она ощутила, как тяжелы и мускулисты его бедра. У нее так затвердели соски, что стало болезненным их прикосновение к ткани тонкой рубашки; она еще не испытывала такого властного влечения, ее тело требовало подчиниться инстинкту, вечному и опасному. Он тяжело дышал, но не отстранялся, и она в этот момент поняла, что все на свете отдала бы за то, чтобы очутиться в его объятиях на его постели и заниматься с ним любовью без оглядки, покрыть поцелуями все его тело, все шрамы и позволить ему целовать ее, дотрагиваться до нее. Он понял, потому что его взгляд был прикован к ее губам, раскрывшимся в ожидании поцелуя.

– Ты прав – Питер не хочет Эль, но ее хочешь ты.

Он еще крепче прижал ее к себе, потом в глазах промелькнуло недоумение, и он резко оттолкнул ее, опомнившись.

– Нет. Эль была ребенком. Ее больше нет.

Она пыталась стряхнуть наваждение, вернуть самообладание. Он тяжело дышал, потрясенный происходящим.

– Шон, я здесь. Я выросла, только и всего.

Он издал скрежещущий звук, похожий на смех.

– Ты… принадлежишь Синклеру.

– Нет! Я принадлежу тебе!

Он повернулся и пошел прочь. Она догнала его и забежала вперед, заглядывая в лицо.

– Тебе надо спрятаться. Я помогу.

– Я спрячусь в лесу на ночь.

– И потом уйдешь? На рассвете?

Он помедлил с ответом.

– Да.

Ее решение созрело. Она будет готова к рассвету, соберет вещи. Вдруг ее осенило.

– Нет, в лесу слишком опасно.

Он посмотрел на нее, явно что-то заподозрив.

– Ночью ты можешь спрятаться в моей комнате.

Глава 5

Все было поставлено на карту; и Элеонора знала это – жизнь Шона и его свобода, ее будущее с ним. Упрямо отказываясь думать о том, что Шон не хочет брать ее с собой в Америку, отказываясь помнить, что за все годы, проведенные вместе с ним в детстве и юности, он ни разу не дал почувствовать, что тоже любит ее. Но это было не важно, кажется, кое-что изменилось, она помнила его пристальный мужской взгляд и понимала, что он испытывает сейчас. Она не могла в этом ошибиться.

Она все-таки уговорила его прийти к ней поздно вечером, договорились, что пока он спрячется в лесу, потому что днем не было возможности проникнуть в дом незамеченным. Теперь, когда она знала, что он сбежал из тюрьмы и его разыскивают, в любой момент можно было ожидать появления английских солдат. Шон казался на удивление спокойным. В ответ на ее страхи он заявил,

что не даст захватить себя врасплох, узнает задолго об их приближении и уйдет прежде, чем его смогут схватить.

План был таков: он проникнет в дом во время ужина, когда все домашние, гости и прислуга будут в столовой.

Сейчас у нее было время обдумать все, что произошло. Она никогда не переставала любить Шона. И сейчас, когда для властей он был сбежавшим преступником. Она не сомневалась в том, что, узнав обо всем, что произошло с Шоном, вся семья станет сражаться, чтобы вернуть ему свободу и доброе имя, если, конечно, у них будет такой шанс. Но ее решение быть с Шоном теперь никогда не получит одобрения у родных. Если бы он вернулся домой прежним, нетрудно было бы уговорить отца разрешить ей выйти замуж по любви. Семья Шона была древнего ирландского рода, и когда-то его предки были влиятельными суверенами, которые владели половиной Ирландии. Но сам он родился младшим сыном мелкопоместного дворянина в семье ирландского католика, который фактически арендовал у графа Аскитон, хотя когда-то эти земли принадлежали О’Нилам. Но граф отдал бы руку дочери своему приемному сыну. Подарил бы им небольшое имение; конечно, жизнь их была бы небогатой и простой, но это не имело значения для Элеоноры. Но при теперешних обстоятельствах граф никогда не одобрит такой брак, и Шон не пойдет на это сам. И тем более вся семья будет против ее побега с Шоном в Америку, мало того, они станут препятствовать ее решению, поэтому надо скрывать свои планы. Ей стало грустно от одной мысли, что придется расстаться с близкими, а большая дружная семья будет расколота.

По крайней мере, они смогут провести вместе ночь. Она не могла дождаться новой встречи. Конечно, он отдалился, кажется иногда незнакомцем, но его отношение к ней скоро изменится. Почему он сказал, что Шон О’Нил умер? Конечно, он изменился внешне, голос стал хриплым и грубым. Да, он истощен, ранен, страдает, но он жив. Раны заживут – и душевные, и физические. И Элеонора сделает все, чтобы вернуть прежнего Шона.

Он был где-то недалеко, и вечером они встретятся, но она уже скучала по нему. Ей хотелось сидеть рядом, держать его руку, чтобы он обнял ее, как когда-то. Хотела слышать его смех, видеть улыбку. Он ничего не знал пока. Ни о женитьбе Тирелла, ни о рождении двоих детей в его семье. Что у Девлина родились сын и дочь. Ей столько надо рассказать ему. И она сделает все, чтобы он поцеловал ее.

Она была взволнована и, несмотря на все обстоятельства и непредсказуемые последствия для Шона, счастлива. Главное – он вернулся домой, и она никогда больше не позволит ему уйти от нее.

Она поднялась на террасу и огляделась по сторонам. Ее утренние прогулки верхом обычно заканчивались до семи утра. Сейчас было далеко за семь, и солнце уже пригревало. Если сейчас уже около восьми, отец, братья и некоторые гости, наверное, завтракают в утренней зале. Леди обычно появлялись после десяти.

Увидев Рекса, одиноко сидевшего на террасе, она чуть не подпрыгнула от неожиданности. Он улыбнулся, встал и, опираясь на костыль, двинулся навстречу.

– Я тебя напугал?

– Немного.

Он оглядел ее внимательно.

– Сегодня ты каталась дольше обычного.

Ее охватила паника. Что, если Рекс о чем-то подозревает? Конечно, Рекс надежен как скала, несмотря на вечный сарказм. Он всегда дружил с Шоном, они были одного возраста. Если бы она не решила бежать с Шоном, она могла бы сейчас положиться на брата, обратившись к нему за советом и помощью. Но подавила этот порыв. Шон ясно дал понять, что не хочет вовлекать членов семьи в свои проблемы, чтобы не сделать их причастными к преступлению, а Рексу не понравится ее идея сбежать с Шоном.

– Ты раскраснелась, хотя еще прохладно.

Она не ответила, погруженная в свои мысли.

– Ты ничего не хочешь мне рассказать?

Он явно подозревал ее. Эль старательно улыбнулась.

– Я сегодня вернулась позже, и пришлось бежать от конюшни, чтобы никто из Синклеров не заметил меня.

– Хочешь, проверю, нет ли кого-нибудь в холле?

Она кивнула и взяла его левую руку, правой он всегда опирался на костыль.

– Это было бы замечательно.

Глаза его стали ласковыми.

– Пошли. Подожди, я пойду первым.

И вскоре уже делал ей знаки, показывая, что в салоне и холле никого нет. Она быстро пробежала через холл и хотела подняться по лестнице, но увидела проходившую мимо молодую служанку. Элеонора мгновенно приняла решение.

– Бет! – окликнула она.

Толстушка Бет остановилась и присела:

– Слушаю, миледи.

Ее никогда не смущал вид Элеоноры в мужском наряде в такой час. Бет была услужлива, но довольно глупа и медленно соображала. Меньше будет сплетен внизу, где слуги наверняка судачили о хозяевах.

– Я хочу, чтобы ты пошла на кухню и положила в мешок ломоть хлеба, большой кусок сыра, любого, и, если найдется, мясо и бутылку вина. Охлаждать не надо.

Шон сказал, что подождет до вечера, но она решила накормить его днем.

Бет кивнула:

– Вино, хлеб, сыр.

– В мешок. Если повар спросит, скажи, что это для меня. – Оставалось надеяться, что для Бет задача окажется посильной. – И не забудь про мясо.

Бет отправилась выполнять приказание.

Элеонора перевела дыхание, стараясь успокоиться. Мысли путались. После встречи с Шоном ее лихорадило. Надо действовать. Ему нужны вещи, одежда. Она постучала в дверь Клиффа. Он редко бывал дома, проводя все время в море. От прислуги она узнала, что он явился домой глубокой ночью, но все же успел присоединиться к нескольким гостям, припозднившимся за картами.

Ответа не было, и она приоткрыла дверь.

У Клиффа была большая, богато обставленная комната, с мраморным камином и огромной кроватью под балдахином. На постели, в груде скомканных простыней, с трудом можно было разглядеть спящего брата.

– Клифф! – окликнула она и подошла близко к кровати.

Он вдруг сел, недовольно глядя на сестру, и она вдруг поняла, что он не один. Эль почувствовала, что краснеет, потому что женщина накрылась с головой, пытаясь спрятаться от посторонних глаз.

– Ты когда-нибудь будешь стучать?! – воскликнул он.

Как все Уоррены, он был высок, хорошо сложен и красив до умопомрачения. Как и у сестры, у него были русые волосы, но от постоянного пребывания в море они выцвели от солнца. Загорелый дочерна, как те пираты, за которыми он гонялся.

– Ты только что вернулся. Неужели не мог хотя бы одну ночь провести один?

– Не надо врываться, не видишь, что я занят? – недовольно проворчал он. – Прошу тебя, удались немедленно. – И тоже покраснел.

Она упивалась столь редким зрелищем – смущением своего распутного братца. Интересно, кто там прячется. Клифф убежал из дома в поисках приключений, когда ему было четырнадцать. Тогда он еще увлекался служанками. Но сейчас

это в далеком прошлом, наверняка в его постели сейчас леди, а значит, она член семейства жениха либо жена его приятеля.

– Ну все, довольно. – Он ловко обернул простыню вокруг талии и встал с постели.

– Мне нужна одежда, – заявила Эль, а когда брат попытался схватить ее, чтобы выдворить, ловко увернулась и выбежала в холл, оставив дверь приоткрытой. – Послушай, Клифф, мне нужна рубашка, пара бриджей и куртка – И тут же поняла свою ошибку. Она так торопилась поскорей одеть Шона, что могла вызвать подозрение.

Клифф, уже в бриджах, вышел и, осторожно прикрыв за собой дверь, уставился на сестру.

– Ты полуголый, – напомнила она. Ей было все равно, но мимо могла пройти прислуга.

– Что ты задумала? – Он не обратил внимания на ее замечание. – Завтра у тебя свадьба, и если такого события недостаточно, чтобы превратить тебя в настоящую леди… Не знаю… Твой жених видел тебя в таком костюме?

Она невинно заглянула в его голубые глаза.

– Служанка, которая впустила тебя ночью, сказала, что сначала приняла тебя за грабителя или пирата.

Он скрестил на обнаженной груди мускулистые руки.

– Я могу одеться как варвар, но ты не имеешь права на подобные выходки. И учти, я прибыл прямо с корабля.

– Клифф, просто дай мне одежду. Я тебе потом все объясню.

Он внимательно взглянул на нее:

– Что-то стряслось?

Она вдруг застыла. Он прямо с корабля!

– Ты пришвартовался в Лимерике? – спросила она, и сердце взволнованно забилось.

– И что, если так?

Она закусила губу. Клифф владел несколькими кораблями, он обогнул земной шар несколько раз и установил много рекордов. В прошлом году он получил одиннадцать наград за свои подвиги, в двадцать шесть лет его уже знали как одного из самых выдающихся капитанов своего времени. Шон не хотел вовлекать Девлина и был прав. У Девлина жена и двое детей, он хозяин дома, который должен перейти по наследству сыну. Но Клифф – искатель приключений по духу, у него нет жены, и он, вероятно, так и останется холостяком. А уж храбрости его хватит на десятерых.

Он может им помочь уплыть к свободе. Но нельзя уговаривать брата сейчас, она сначала должна уговорить Шона.

Пока она решила немного его заинтриговать.

– Дай мне сейчас то, что я прошу, а позже мы с тобой встретимся, и я тебе все расскажу.

– Когда? – Подозрение не покидало его.

– Встретимся перед ужином в галерее, – и постаралась улыбнуться беспечно, – я все объясню. Но одежда нужна сейчас.

– Ты ведь не собираешься сбежать от Синклера, переодевшись мужчиной?

– Клифф! – воскликнула она, протестуя.

– Элеонора, куда ты побежишь? Как ты будешь потом жить и где? Если не хочешь выходить за Синклера, мы пойдем вместе к графу и скажем. Я тебя прикрою.

Слезы навернулись ей на глаза.

– Ты всегда будешь моим самым любимым братом, если подольше останешься дома, – прошептала она.

– Подожди, я оденусь. Мы поговорим с Эдвардом. – Почему-то он никогда не звал графа отцом, только граф или Эдвард.

Она дотронулась до его руки, успокаивая.

– Я никуда не бегу. – И это было правдой. Пока. – Я хочу тебе все рассказать, но не могу, поверь. Позже.

Он внимательно посмотрел ей в глаза:

– Я ничего не понимаю. Ты выходишь за Синклера?

Она покачала головой:

– Нет. Уже нет.

Он посуровел.

– Ты бросишь его у алтаря?

– О, я не хотела бы, но…

– Я не собираюсь ждать до вечера, чтобы узнать, в чем дело. Я вижу по твоим глазам, что ты сбежишь. Ты никогда не умела лгать, Элеонора.

– Тебе было четырнадцать, когда ты в первый раз сбежал. И с тех пор мало бывал дома. Мне уже двадцать два, ты не забыл? Я знаю, что делаю. Встретимся в шесть, сегодня. И никому ни слова.

Он колебался, подозрение в его глазах не исчезало.

– Прошу тебя.

Он наконец уступил:

– Ладно. Но я недоволен.

Она отвернулась, чтобы он не увидел ее улыбки. Его трудно было убедить, но она всегда умела это делать и добивалась от него всего, чего хотела.

Когда она выехала на поляну, где оставила Шона, его там не оказалось. Она уже испугалась, что он снова от нее сбежал, как вдруг он внезапно вышел из-за дерева.

– Ты зачем опять здесь? – хрипло прозвучал громкий шепот. – Я же сказал тебе… Я пришел бы домой ночью.

Она ловко соскользнула с лошади, на этот раз одетая в женское платье для верховой езды, как положено леди.

– Я не могла позволить тебе голодать весь день.

Он снова рассердился:

– Проклятье, Эль, за тобой следили?

– Нет. Я была осторожна. – Она сняла с седла мешок со снедью и одеждой. Она снова была счастлива.

– Но почти полдень! – воскликнул он. – Тебя могли заметить!

Она весело посмотрела на него:

– Я знала, как себя вести, чтобы никто ничего не заподозрил, я не так глупа. Сказала, что у меня болит голова, и, чтобы избежать дамского общества, пошла к конюшням. Вот. Смотри, что я привезла. Вино, хлеб, сыр, немного ветчины. И

сверток с одеждой. – Она протянула ему большой мешок из непромокаемой ткани.

Он хмуро поблагодарил, сел на землю, достал еду. Искоса взглянул на застывшую рядом Эль и, не силах более сдерживаться, вонзил зубы в кусок сыра. Только сейчас она увидела, как он голоден, и отвернулась, чтобы не смущать его. Как хорошо, что она догадалась привезти ему еды. Немного спустя повернулась и увидела, что он уничтожил все в считаные минуты.

Они морили его голодом? И снова отвернулась, на этот раз чтобы он не увидел жалости на ее лице.

– Эль, – вдруг спохватился он, – я ничего тебе не оставил.

Она только вздохнула:

– Я не голодна.

– Ты всегда голодна, – настаивал он.

Он помнил, что у нее всегда был неженский аппетит. Кому, как не ему, было знать об этом. Когда она помогала ему отстраивать заново Аскитон, они часто так уставали, что ели прямо на полу, усевшись по-турецки. И она не отставала от него во всем.

– Я отлично позавтракала, – солгала она.

– Хочешь вина? – Он с трудом поднялся.

Снова жалость охватила ее, он испытывал боль при движении, очевидно, сказывались полученные раны и увечья. Кинжалом, вид которого бросил ее в дрожь, откупорил бутылку и снова неуверенно взглянул на нее. Она поняла этот взгляд и разрешила:

– Ничего, ты можешь пить прямо из горлышка, не стесняйся.

Закинув голову, он сделал несколько жадных глотков, и по лицу его разлилось блаженство. Как давно он не пил вина? Несколько лет? Ее сердце разрывалось от жалости и любви. И все же внутри опустившегося бродяги еще был жив джентльмен, он появлялся иногда, хотел этого Шон или нет.

Пока он пил, она смогла наконец спокойно его рассмотреть. Он, конечно, похудел по сравнению с прежним Шоном, но все равно оставался одним из самых красивых мужчин, каких она знала, это не изменилось. Черты лица стали жестче, грубее, но каждая из них была совершенна. Когда они были детьми, он казался ей прекрасным принцем, а себя она считала дурнушкой. Его тело тоже было идеального сложения. Высокого роста, он никогда не был накачанным здоровяком, но даже сейчас, при его худобе, мускулы играли под тонкой смуглой кожей. Он был силен, без сомнения. Она посмотрела на его узкие бедра и вспомнила, сколько раз видела его обнаженным, когда шпионила за ним, подглядывая за его любовными играми в конюшне, где он частенько занимался любовью с местными красотками. Шон не пропускал ни одной юбки, был повесой, и, подглядывая, она видела и запретные части его тела. Она смутилась от своих мыслей. Как ей хотелось поцеловать его! И еще она мечтала заставить его поцеловать ее – по-настоящему, как он целовал других.

– Перестань, – вдруг сказал он.

Она замерла и встретила его понимающий взгляд.

– Но я ничего не делаю, Шон, просто смотрю на тебя. – И поспешно спросила: – Ты ранен? Почему ты хромаешь?

– В меня стреляли. И рана еще не зажила.

Она подумала о том, что он провел два долгих года в тюрьме, без возможности ходить, бегать, ездить верхом. Раньше они оба не любили сидеть взаперти.

– Тебе нужен отдых.

– А тебе надо идти домой, и немедленно. Твое поведение может вызвать подозрение.

– Но мне надо с тобой поговорить.

Он посмотрел враждебно. Ну почему он так боится ее?

– Шон, я на твоей стороне. Ты ведь знаешь это.

Он помолчал, потом прошептал:

– Эль, помогать мне – плохая идея.

Она не стала спорить. Просто заговорила по-другому:

– Знаешь, Клифф вернулся домой вчера поздно ночью.

Он проявил интерес, выражение его лица немного смягчилось.

– О, он все еще бороздит моря и океаны? Плавает у берегов Вест-Индии и Африки, гоняясь за корсарами? Возит вино и шелк и соблазняет австрийских принцесс?

– Он соблазнил австрийскую принцессу? – Она не знала, но это так похоже на ее беспутного братца. – Его не бывает дома, он все время в море. Кажется, он баснословно богат. И совсем не изменился.

Рот Шона скривился в подобии улыбки.

– Это хорошо. Ему можно, он младший сын и может делать все, что ему вздумается.

– Как тебе когда-то? – Она вспомнила то утро, когда он покинул дом и ее.

Он не ответил и отвернулся.

Она подошла и взяла его за руку.

– Прости… Я знаю, что заставил тебя страдать.

Она замерла.

Он убрал руку, его взгляд остановился на ее губах. Потом посмотрел ей в глаза:

– Я ни за что не поступил бы так сейчас.

– Я рада, что ты вернулся. – Она уже потянулась, чтобы взять его лицо в свои ладони, но он как будто почувствовал и сразу отступил назад. И теперь внимательно следил за ней.

Она облизала губы.

– У Клиффа есть корабли. Быстрые, боевые. Один сейчас стоит в Лимерике. Мой брат может помочь нам скрыться.

Он одним прыжком очутился рядом и схватил ее за плечи.

– Что ты сказала ему?!

– Ничего! – крикнула она ему в лицо. – Но он понял, что я хочу сбежать. Что я не хочу выходить замуж – и он прав!

– Не думаю.

– Почему ты так говоришь? – Она смутилась.

– Если ты не любишь Синклера, почему позволяла себя обнимать вчера вечером?

У нее запылало лицо.

– Просто хотела узнать, – прошептала она, – что чувствуешь, когда тебя целуют.

В глазах его промелькнул огонек. Они посветлели.

Как бы ей хотелось, чтобы он поцеловал ее!

– Не надо, Эль. Никогда не играй со мной, как делаешь это с Синклером.

Она не поняла и не пыталась понять его слова. Ей казалось, что сейчас он обнимет ее и прижмет к себе.

– Но я уже женщина. Надеюсь, ты заметил.

Он предупреждающим жестом поднял руку. Она задрожала.

– Почему ты не слышишь меня? Почему так смотришь на меня? Я не позволю играть с собой, Элеонора.

– Я не понимаю, о чем ты. Я ни с кем не играю. Я ужасно скучала по тебе.

– Но ты не хочешь слушать! Я не тот человек, которого ты знала!

– Никогда в это не поверю.

– Я ничего не могу предложить тебе сегодня, поэтому перестань смотреть на меня так! – в отчаянии выкрикнул он.

– Но я не могу. Я так люблю тебя. – И покраснела от вырвавшегося признания.

В его глазах промелькнуло удивление и одновременно ярость.

– Возвращайся к Синклеру, Элеонора. Твое будущее теперь в Англии. С ним.

– Нет. Мое будущее – с тобой в Америке. Или там, куда ты направишься.

Она видела, что он напряжен, его снова била крупная дрожь. И сама задрожала от жалости.

– Ты осталась такой же упрямой и своевольной! Я забыл, какой ты можешь быть. Настоящим исчадием.

– А ты зря теряешь время, пытаясь меня убедить, что ты преступник и плохой человек.

Но его слова все же задели ее за живое. Неужели он видит в ней избалованную девчонку, преследующую его по пятам?.. Она питала иллюзии, ей показалось было, что он увидел в ней женщину?

Он снова надел маску безразличия.

– Да, я преступник, я вне закона. Я убийца.

– Ну почему ты все время хочешь меня напугать! Как ты можешь так поступать со мной? – в отчаянии спрашивала она. – Почему ты не понимаешь, что я уже взрослая.

– Ты должна меня бояться, – сказал он мрачно, и вдруг она поймала на себе его голодный взгляд и поняла, что вызывает в нем раздражение именно потому, что он видит в ней женщину. И все стало на свои места. Все просто и ясно. Его взгляд выдал его. Это был взгляд мужчины, изголодавшегося по женщине, – теперь объяснялось его поведение и грубость. Он дрожит от с трудом сдерживаемого, дикого, необузданного желания, которое она пробудила в нем. Больше не раздумывая, она медленно приблизилась к нему и взяла за руку.

– Мне все равно, что солдаты умерли из-за тебя. Мне все равно, что ты был заключенным, что сбежал и теперь преступник, разыскиваемый властями. Я никогда не стала бы бояться тебя, Шон.

– Тогда ты просто глупа. – Он отбросил ее руку. – Ты не поняла? Шона нет. Но я здесь. Ты можешь называть себя Эль или Элеонорой, теперь это все равно. Я был заперт в подвале на два года. Поэтому теперь соблазнять меня – плохая идея. Ты должна меня бояться.

Она не сразу поняла значение его слов. Но, увидев блеск в его глазах и голодное выражение, поежилась.

– О боже, ты хочешь сказать, что ничего не чувствуешь ко мне, просто тебе нужна женщина, все равно кто.

– Вот именно.

Его жестокость резанула как ножом.

– Я тебе не верю. – Он не мог так измениться. – Ты никогда не стал бы меня использовать. Ты бы скорее умер, но не стал бы.

Может быть, он действительно превратился в незнакомого, опасного человека, которого стоит бояться. Может быть.

Он медленно оглядел ее всю, как будто раздевая глазами.

– Это Шон умер бы, не я.

Он больно сжал ее руку, потом прижал к своей груди. Она даже не пыталась вырваться, чувствуя бесполезность усилий.

– Ты можешь быть изменником, но только не чудовищем. Я отказываюсь принять твои слова.

Он освободил ее руку.

Она повернулась и пошла прочь, потрясенная до глубины души. Она не сможет никогда поверить, что он способен ее обидеть. Он был ее защитником, ее спасителем, ее другом. Но он изменился. Вопрос – насколько. Она прислонилась к дереву, задыхаясь. Чего ей ждать от этого Шона? Она всегда хотела, чтобы Шон О’Нил взглянул на нее как на желанную женщину. Нет, она должна победить то зло, которое поселилось в его душе.

Вдруг он очутился прямо за ее спиной.

Она испугалась, но не сдвинулась с места.

Прошло несколько напряженных минут, и она услышала у себя над ухом его голос. Он находился так близко, что его дыхание щекотало ее шею.

– Ты должна меня бояться. Уходи.

Она решила бороться.

– Я не боюсь тебя, Шон. Ты меня испытываешь, потому что сам не знаешь, как поступить, ты смущен, что вдруг увидел во мне женщину. Не лги, что тебе безразлично, кто будет на моем месте.

Она повернулась к нему лицом.

– Я не сдамся. Я люблю тебя.

Но ей понадобилось собрать всю храбрость, чтобы протянуть руку и погладить его по щеке. Надо показать ему, что он не смог ее запугать.

– Ты не сможешь меня обидеть. Я знаю тебя лучше, чем ты сам себя знаешь.

Он отодвинулся, ее рука бессильно упала.

– Ты снова… плачешь.

Она и не заметила, что слезы катятся по ее щекам.

– Ты страдаешь, и я страдаю, глядя на тебя, – ответила она.

– Я не нуждаюсь в жалости!

– Я тебя не жалею. Я страдаю, и мне больно знать, что ты перенес. И если позволишь, я постараюсь облегчить твою боль.

– Я уезжаю.

Она заглянула осторожно в его глаза. Как ей достучаться до его сердца?

– Помнишь, как я свалилась со своего толстого старичка пони?

И снова искорка промелькнула в его глазах, взгляд посветлел, утратил жесткость. Он помнит. И она поспешно продолжала:

– Я сердилась и хотела заставить его перепрыгнуть упавшее дерево. Хотела показать всем, что я хорошая наездница.

Он отвернулся, глаза снова потухли.

– Я не помню.

Но он помнил, она видела это.

– Он не хотел прыгать, остановился, и я перелетела через его голову.

Шон пошел от нее прочь, и она, расстроенная, смотрела в его спину.

И вдруг услышала:

– Я помню этого пони. Он был слишком стар, чтобы взять даже такое незначительное препятствие.

Она засмеялась:

– Он был такой славный, я его обожала.

Он обернулся, лицо стало проясняться, губы сложились в подобие улыбки. Потом сказал:

– Нет смысла вспоминать прошлое.

Но ведь она заставила его улыбаться, если не непослушным ртом, то хотя бы в душе.

– Ты звал меня Липучкой, и я ненавидела прозвище, и еще крутил мое ухо, если удавалось меня догнать.

– Не помню. – Он отвернулся, пряча лицо.

– Однажды я спряталась от тебя на чердаке. Ты не мог меня найти. Настало время ужина, и внизу началась суматоха. Папа был вне себя, он был разъярен, и тебя наказали из-за меня. Он лишил тебя охоты на неделю. А когда я наконец появилась из своего укрытия, все обрадовались и целовали меня.

– Тебе было всего шесть, и ты всех заставляла плясать под свою дудку.

– Ты все-таки помнишь.

– Но не хочу вспоминать. – Кажется, он снова рассердился, слова давались ему с трудом.

– Позволь тебе помочь.

Невыносимо было видеть, как он мучается.

– Ты помогла. Ты принесла еду и одежду.

– Сейчас я нужна тебе, как никогда не была нужна. И я не оставлю тебя в беде.

Кажется, он истолковал ее слова по-своему. Она поняла это по тому взгляду, который он украдкой бросил на нее. Она не была наивной в таких вопросах, потому что выросла среди мальчиков. У них были свои, особенные потребности, они становились настойчивыми и неуправляемыми, когда ими овладевали необузданные желания. И знала, что ему нужно, как все его мысли сейчас подчиняются инстинкту, и бесполезно взывать к его рассудку. Постепенно у нее созрел план.

– Может быть, я помню, что называл тебя Липучкой. И еще отродьем.

– Не удаляйся от темы. Воспоминания мы с тобой сможем продолжить вечером. И я буду ждать тебя. А теперь я пойду, пока меня не хватились.

Он снова замкнулся.

– Мне не нравится твоя идея. Я лучше останусь в лесу. И ночью уйду.

Она испугалась.

– Нет! Шон, мне так много надо с тобой обсудить. Рассказать тебе. Разве ты не хочешь знать, что случилось за эти годы? Например, что Тирелл женился. И потом тебе надо принять ванну, горячую, с мыльной пеной. И я распоряжусь насчет ужина, легкого и приятного – фазан, лосось, ветчина и жареная индейка. И бургундское, которое ты так любил.

Он побледнел:

– Ты хочешь меня подкупить?

– Да, если это поможет.

– Я испытываю сильное искушение, но ответ – нет. Я ухожу отсюда и больше не вернусь.

Она решительно взяла его за руку. Он вздрогнул, но не сопротивлялся.

– Ты действительно два года не видел женщины? – мягко произнесла она.

Он дернулся, но руки не отнял.

– Слушай, какого дьявола!

Она волновалась, ощущала впервые всю себя женщиной, и навстречу его страсти в ней поднималась горячая волна ответного желания. Она была готова на безрассудство, хотелось одного – очутиться в его полной власти и испытать блаженство, которое ее ждет.

– Кажется, тебе было четырнадцать, когда ты впервые познал женщину. Я знаю – я шпионила.

– Ты шпионила… как всегда…

– А потом их было так много, легких и податливых. Два года? – Медленно продолжала, теперь играя с огнем: – Я представляю, что ты должен был испытывать. – Теперь в ней проснулся древний инстинкт, она откровенно соблазняла, манила, искушала.

– Зачем ты это делаешь? – хрипло и невнятно шептал он.

– Как ты вынес? Мечтал о ней? – Она уже не понимала, что говорит, но упорно добивалась своей цели. – По ночам ты грезил о женском теле… – Взгляд его теперь был страшен. – Может быть, даже видел мое тело, чувствовал мои прикосновения… Ты знаешь, я всегда мечтала о тебе. Я жду тебя сегодня ночью, и я оправдаю твои ожидания.

И поняла, что победила, потому что теперь голод его станет невыносимым и он никуда не уйдет, пока не утолит его. Пока не получит от нее обещанного.

Глава 6

Этот сон снился ему почти каждую ночь, но он не смог привыкнуть к нему, и каждый раз его охватывал ледяной ужас. Он ничего не мог сделать, не мог проснуться, только смотрел, как начинает раскручиваться лента прошлого. Он смотрел на события той кровавой ночи, не в силах предотвратить их. Снова и снова видел кровавую резню в деревне, гибель жены и ее ребенка.

Пег улыбалась ему, но, как всегда, в ее глазах был вопрос. Почему ты не любишь меня, Шон?

Ему хотелось умолять ее о прощении, сказать ей, что любит ее, хотя это было бы ложью. Обстоятельства сложились таким образом, что он вынужден был на ней жениться, и оба это знали.

– Когда ты отдашь обратно мою лодку? – появлялся Майкл, его кожа была серого цвета, а волосы темные, а на самом деле они были ярко-рыжими.

Шон наказал его накануне вечером за то, что мальчик нагрубил матери, забрав его любимую игрушку. Это был подарок его отца, моряка, пропавшего в море. Маленькая, вырезанная из дерева лодка, и теперь она была в кармане Шона, когда он спал, но он не мог ответить Майклу.

Вот появилась толпа разъяренных крестьян, он пытался их остановить от похода на имение лорда Дерби. Он знал, что последует, когда они появятся у железных ворот имения. Он знал, потому что уже был там, не три года назад, а ребенком, когда его отец повел такую же толпу против англичан. Он пробовал убедить людей, что у них ничего не выйдет, но не мог произнести ни слова, схватил за руку Бойла, отца Пег, но тот, кажется, не заметил. Он пытался остановить Флинна, но тот вдруг исчез прямо перед его глазами. И вот уже горит имение, появились солдаты, и он был там, и нож торчит из живота солдата в красном мундире, почти мальчика, и тот смотрит на него, и вопрос застыл в его глазах – за что? И Шон поднял голову и увидел сверкающие глаза британского офицера. Это полковник Рид смотрел на него с ненавистью.

Шон знал, что задумал Рид. Он пытался догнать его, но тот ускакал прочь. И вот он бежит к дому, где прячет свою семью, и уже на бегу знает, что там найдет, и ему было плохо от отчаяния и бессилия. Он опоздал, и дом был охвачен пламенем, он кричал, звал их, но нигде не находил. А потом нашел Пег и только бессильно смотрел, как она умирает на его руках.

Шон закричал и сел. Пот градом катился по телу.

Он еще был там, в маленькой голодающей деревне, в нескольких милях от Килвора. Там были дым и огонь, крики и удаляющийся топот копыт. Сотрясаясь от рыданий, склоняется он над своей избитой, в крови, умирающей женой и ее нерожденным ребенком.

Постепенно он вернулся в реальность. Он находился в лесу один. Стреноженная лошадь, украденная накануне в Корке, паслась невдалеке.

Шон трясся всем телом и не мог остановить дрожь. Оставалось лишь ждать, когда она прекратится. Отошел на край поляны, встал на колени, и его вырвало.

Он вспомнил, что он в Адере. Недалеко отсюда, на другой стороне леса, был его дом, где он жил с восьми лет. Сейчас в этом огромном доме находится его

семья: граф, который воспитывал его как сына и которого он любил как родного отца, мать и братья. И Эль.

Он поднялся с земли, постоял, пошатываясь.

Но она больше не была той Эль. Она вызывала у него теперь другие чувства. Это было неприкрытое вожделение, он видел вместо прежней девочки и юной девушки женщину, понимал, что это неправильно, он страдал, в нем поднималась паника, которую он не мог подавить.

Эль превратилась в прекрасную женщину, он с трудом узнавал ее. Впрочем, она осталась такой же бесстрашной и упрямой, как когда-то. Он мог отнести свое влечение на счет того, что он два года не был с женщиной и поэтому его тело так ответило на ее соблазнительную красоту. Но ведь он едва замечал женщин на улицах Корка. Даже хорошенькая дочка сапожника вызвала в нем лишь легкий, мимолетный интерес.

И он не обманывал Эль, предупреждая, что ей следует его опасаться, он уже не контролировал себя. Он боялся солдат, которые явятся за ним, потому что не хотел подвергать ее риску. Ее взгляд говорил, что она все еще любит его, и, может быть, сильнее, чем прежде. Она не хотела его понимать, отказывалась бояться и не собиралась от него убегать. И хуже того, предложила ему укрыться в своей комнате, в своей постели.

Скорее, он должен ее бояться. Она предложила ему свое тело.

Он никогда не согласился бы, но при одной мысли об этом безумное желание поднималось в нем, туманило разум. Он не пойдет ночью в дом, несмотря на искушение, потому что это привяжет его к ней. Она все еще обожала его, готова была на все ради него, она хочет отдать ему свое тело, но взамен потребует его сердце.

А это невозможно.

Хотя он давно похоронил в себе Шона О’Нила, какая-то часть жила в нем до сих пор и не позволяла теперь поступить с Элеонорой так, словно он изголодавшийся по женщине преступник. И не только потому, что она завтра будет принадлежать другому. Он не хотел, чтобы она стала несчастной из-за

него.

Он покинет страну, она выйдет замуж. Но почему-то ее жених вызывал в нем ненависть. Шон достаточно трезво мог оценить ситуацию – она выходит за титул и богатство. Но при мысли о том, что скоро она будет принадлежать другому, этому ненавистному англичанину, он задыхался и терял разум, возникло безумное желание остановить венчание любой ценой. И хуже всего было то, что его тело не хотело слушать голос разума, оно жаждало ее и не могло отказаться от ее предложения. Он сам себя не понимал.

Нет, надо признать, что, хотя Синклер и англичанин, он прекрасная партия для Эль. В любом случае она не сможет бежать с ним в Америку. Их будут преследовать, скорее всего, поймают, и тогда ее ждет участь Пег. Его душа не настолько огрубела и он не пал так низко, чтобы взять ее с собой как любовницу, и никогда не сделает своей женой. Ее ждет жизнь с Синклером, полная благополучия и семейного счастья.

Она всегда добивалась своего. Поеду с тобой.

Память подбрасывала новые воспоминания.

Вот она стоит на пороге его комнаты. Волосы стянуты в косу, в мужском платье. Он только вздохнул, потому что не сомневался, что она обязательно объявится, если узнает, что они собрались на два дня охотиться. Ведь он просил Тирелла не говорить Эль. И сам всю неделю пытался избавиться от ее слежки.

– Тебе девять лет, ты девочка, даже если и хочешь быть мальчишкой. Ты не поедешь с нами, – твердо сказал он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/dzhoys_brenda/ukradennaya-nevesta

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить